

чно-Исследовательский Институт
киргизского Языка и Письменности
(НИИКЯП)

СК
28

И. А. БАТМАНОВ

ГРАММАТИКА КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

Выпуск I

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФРУНЗЕ 1939 КАЗАНЬ

Научно-Исследовательский Институт
Киргизского Языка и Письменности
(НИИКЯП)

И. А. БАТМАНОВ

ГРАММАТИКА

КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

Выпуск I

1. Введение
2. Элементы фонетики

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФРУНЗЕ 1939 КАЗАНЬ

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие.

Введение.

- § 1. О ходе глоттогонического (языкотворческого) процесса 5
§ 2. К характеристике особенностей киргизского языка 23
§ 3. Грамматические средства киргизского языка 32

ЭЛЕМЕНТЫ ФОНЕТИКИ СОВРЕМЕННОГО КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА.

Вокализм (гласные).

- § 4. Краткие гласные 35
§ 5. Долгие гласные 38
§ 6. Эскурсы о происхождении долгих гласных⁵ 39
§ 7. Классификация гласных киргизского языка 45

Комбинаторные изменения гласных.

- § 8. Явления сингармонизма гласных 46
§ 9. Комбинаторные количественные изменения основы 51
§ 10. Изменение гласных в зависимости от соседства с согласными 53
§ 11. Ударение 53
§ 12. Из истории и соотношения гласных в киргизском и некоторых других языках 54

Консонантизм (согласные).

- § 13. Состав согласных современного киргизского языка 61
§ 14. Из истории и соотношения согласных в киргизском и некоторых других языках 65
§ 15. Комбинаторные изменения согласных 69
1. Качество согласного в зависимости от соседства с гласными 69
2. Озвончение согласных 70
3. Диссимиляция 73
4. Прогрессивная ассимиляция согласных 74
5. Регрессивная ассимиляция согласных 75

Ответ. редактор *Абрамов*
Ответ. по выпуску *Аралбаев А.*
Техн. редактор *Гайфуллин Н.*
Корректор *Смолин А.*

Количество печатных листов $4\frac{3}{4}$. Заказ № 0226. Киргизглавлит № Б-42
Тираж 1140 экз. Формат бумаги 60×92. Сдано в производство
15/VII-1938г. Подписано к печати 27 III-39 г. Количество знаков в листе
48.400 Цена книги Переплет

Кн. фабрика им. К-Якуб. Казань, ул. Баумана, 19. 1939.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I. Эта работа предназначается в качестве пособия для лиц, преподающих киргизский язык в русской школе (средней и высшей), как и частично предназначается для учителей, преподающих русский язык в киргизской школе, поскольку автор не мыслит себе преподавания русского языка в киргизской школе без сопоставления с особенностями киргизского языка.

Книга эта рассчитана на такой круг читателей, который имеет общеобразовательную подготовку в объеме средней школы и хотя бы в минимальной степени практически знаком с киргизским языком.

II. Вся работа — „Грамматика киргизского языка“ — издается тремя отдельными, готовыми уже к печати, выпусками:

Вып. I. Введение. Элементы фонетики.

Вып. II. Имя.

Вып. III. Глагол и элементы синтаксиса.

III. Объектом описания в этой „Грамматике“ является современный литературный киргизский язык. Вопросам же диалектологических особенностей киргизского языка посвящается особая серия работ — „Северные диалекты киргизского языка“, начатая уже изданием в серии трудов НИИКЯП.

IV. В настоящем (первом) выпуске в тексте употребляются следующие условные обозначения:

→ или ← — изменение, переход;

|| — чередование, наличие параллельной формы;

() — необязательный элемент;

| — выпадающий элемент;

* — восстанавливаемый элемент;

: — долгота;

С — согласный;

V — гласный.

В основу транскрипции положен киргизский латинизированный алфавит с добавлением четырех знаков:

э — для обозначения переднерядного (мягкого) *a*; ε — для обозначения открытого *e*, типа русского э; *ι* — для обозначения *i* — *mutabile* (в тех случаях, когда это имеет принципиальное значение; обычно, вместо *ι* дается *i*); *ɔ* для обозначения максимально открытого *o*. Для обозначения восходящих дифтонгов употребляются знаки *ʲe*, *ʲə*, *ʲo*; для нисходящих дифтонгов — *ив*, *ув* и т. п.

Знак *υ* во всех случаях передает губно-губной вариант *в* (= *w*).

Фрунзе, 30/III 1938 г.

АВТОР.

ЮДАХИМ
Константин Кузьмин

В В Е Д Е Н И Е.

§ I. О ходе глоттогонического (языкотворческого) процесса.

Вопрос о происхождении и развитии языка со всей полнотой и ясностью был освещен в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, в которых была дана не только методологическая установка, но и представлены были высказывания по конкретным языковедческим проблемам.

Методологические установки и конкретные высказывания по вопросам языка мы находим в следующих работах: в „Капитале“ и в предисловии „К критике политической экономии“ у Карла Маркса; в „Немецкой идеологии“ у Маркса и Энгельса; во введении к „Диалектике природы“ (Роль труда в процессе очеловечения обезьяны), в „Происхождении семьи, частной собственности и государства“, в „Анти-Дюринге“, во „Франкском диалекте“ у Ф. Энгельса; в „Философских тетрадах“ и в работах по национальному вопросу у тов. Ленина; в „Вопросах ленинизма“ и в заключительном слове тов. Сталина на XVI съезде ВКП(б).

Все эти работы с исчерпывающей полнотой и четкостью формулируют вопросы происхождения и развития языка. Для характеристики хода языкотворческого процесса приведем некоторые из положений классиков марксизма - ленинизма о языке.

„В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

„Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания“ — говорит Карл Маркс в предисловии „К критике политической экономии“ (изд. 1934 г., стр. 45).

„...люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью

также свое мышление и продукты своего мышления" — указывают Маркс и Энгельс в „Немецкой идеологии“ (стр. 17; изд. 1934 г.).

„Начинавшееся вместе с развитием руки и труда господство над природой, — говорит Энгельс, — расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг — другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, путем постепенно усиливаемых модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим“.

И далее: „Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который при всем сходстве в основной структуре превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий — органов чувств. Как постепенное развитие языка неизменно сопровождается соответствующим уточнением органа слуха, точно так же развитие мозга сопровождается усовершенствованием всех чувств вообще“.

Потом: „Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проявляющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию. Этот процесс развития не приостановился с момента окончательного отделения человека от обезьяны, но у различных народов в различные времена, различно по степени и направлению, местами даже прерываемый попятным движением, в общем и целом могуче шествовал вперед, сильно подгоняемый; с одной стороны, а с другой — толкаемый в более определенном направлении новым элементом, возникшим с появлением готового человека — обществом“ (Ф. Энгельс. Роль труда в процессе очеловечения обезьяны. Диалектика природы. Изд. 1934 г., стр. 52 и 53).

Устанавливая зависимость мышления от материального базиса,

вот что говорят Маркс и Энгельс в „Немецкой идеологии“ (стр. 20, 21) о соотношении языка и мышления:

„На „духе“ с самого начала тяготеет проклятие „отягощения“ его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, — словом, в виде языка.

„Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее для других людей, а значит существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми“ (Маркс и Энгельс. Немецкая идеология, стр. 20, 21).

О путях развития языка мы находим следующее высказывание: „... в любом современном развитом языке стихийно-возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией“ (Маркс и Энгельс. Немецкая идеология, стр. 414. Лейпцигск. собор. Партиздат. 1935 г.).

В „Философских тетрадах“ В. И. Ленина устанавливается место языка в теории познания, связь языка и мышления.

В работах по национальному вопросу даются установки в части языкового строительства.

Из положений, высказанных Марксом, Энгельсом и Лениным о языке, явствует следующее:

а) Язык, как и всякий идеологический фактор, является порождением материальной практики человеческого общества.

б) Язык и материальный базис опосредствованы мышлением: материальный базис (бытие) определяет сознание (в свою очередь, влияющее на бытие), а язык является выражением этого сознания.

в) Язык является непосредственной действительностью мысли, практическим, существующим для других и для себя сознанием, — является мышлением, выраженным в знаках (словах, жестах и т. п.).

г) Язык и мышление едины: мысль является содержанием, а язык ее формой.

д) Язык есть средство общения, и потребность общения вызвала к жизни язык.

В работах И. В. Сталина („Вопросы ленинизма“) и в его выступлении на XVI съезде ВКП(б) разрешается проблема языка и

нации, намечаются пути дальнейшего развития языка; получают сокрушительный отпор уклонисты всех мастей:

„б) Картина борьбы с уклонами в партии будет неполной, если мы не коснемся имеющихся в партии уклонов в области национального вопроса. Я имею в виду, во-первых, уклон к великорусскому шовинизму и, во-вторых, уклон к местному национализму. Эти уклоны не столь заметны и напористы, как „левый“ или правый уклон. Их можно было бы назвать ползучими уклонами. Но это еще не значит, что они не существуют. Нет, они существуют и, главное, — растут. В этом не может быть никакого сомнения. Не может быть сомнения, так как общая атмосфера обострения классовой борьбы не может не вести к известному обострению национальных трений, имеющих свое отражение в партии. Поэтому следовало бы раскрыть и выставить на свет божий физиономию этих уклонов.

„В чем состоит существо уклона к великорусскому шовинизму в наших современных условиях?

„Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций. Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетенных народов. Они ссылаются при этом на Ленина, неправильно цитируя его, а иногда прямо искажая и клеветая на Ленина. Ленин сказал, что в социализме сольются интересы национальностей в одно целое, — не следует ли из этого, что пора покончить с национальными республиками и областями в интересах... интернационализма? Ленин сказал в 1913 г. в полемике с бундовцами, что лозунг национальной культуры есть буржуазный лозунг, — не следует ли из этого, что пора покончить с национальной культурой народов СССР в интересах... интернационализма? Ленин сказал, что национальный гнет и национальные перегородки уничтожаются при социализме, — не следует ли из этого, что пора покончить с политикой учета национальных особенностей народов СССР и перейти

на политику ассимиляции в интересах... интернационализма? И так далее и тому подобное.

„Не может быть сомнения, что этот уклон в национальном вопросе, прикрываемый к тому же маской интернационализма и именем Ленина, является самым утонченным и потому самым опасным видом великорусского национализма.

„Во-первых, Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах одного государства, до победы социализма во всемирном масштабе. Ленин, наоборот, говорил нечто прямо противоположное, а именно, что „национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе“ (т. XVII, стр. 178). Как можно сослаться на Ленина, забывая об этом основном из его указаний?

„Правда, один из бывших марксистов, а ныне ренегат и реформист, г. Каутский утверждает нечто прямо противоположное тому, чему учит нас Ленин. Он утверждает, вопреки Ленину, что победа пролетарской революции в австрогерманском объединенном государстве в середине прошлого столетия привела бы к образованию одного общего немецкого языка и к немецчению чехов, так как „одна лишь сила освободившегося от пут обмена, одна лишь сила современной культуры, которую несли с собой немцы, без всякой насильственной германизации превратила бы в немцев отсталых чешских мелких буржуа, крестьян и пролетариев, которым ничего не могла дать их захудалая национальность“ (см. предисловие к немецкому изданию „Революция и контрреволюция“). Понятно, что такая „концепция“ вполне гармонирует с социал-шовинизмом Каутского. С этими взглядами Каутского и боролся я в 1925 г. в своем выступлении в Университете Народов Востока. Но неужели для нас, для марксистов, желающих остаться до конца интернационалистами, может иметь какое-либо положительное значение эта антимарксистская болтовня зарвавшегося немецкого социал-шовиниста? Кто прав, Каутский или Ленин? Если прав Каутский, чем объяснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а наоборот, возродились и развились как самостоятельные нации? Чем объяснить,

что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации? Не ясно ли, что наши уважаемые уклонисты в погоне за показным интернационализмом попали в лапы каутскианского социал-шовинизма? Не ясно ли, что, ратуя за один общий язык в пределах одного государства, в пределах СССР, они добиваются по сути дела восстановления привилегий господствовавшего ранее языка, а именно—великорусского языка? Где же тут интернационализм?

„Во-вторых, Ленин никогда не говорил, что уничтожение национального гнета и слияние интересов национальностей в одно целое равносильно уничтожению национальных различий. Мы уничтожили национальный гнет. Мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие. Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями СССР. Мы установили единство экономических и политических интересов народов СССР. Но значит ли это, что мы уничтожили тем самым национальные различия, национальные языки, культуру и быт и т. д.? Ясно, что не значит. Но если национальные различия, язык, культура, быт и т. д. остаются, не ясно ли, что требование уничтожения национальных республик и областей в данный исторический период является требованием реакционным, направленным против интересов диктатуры пролетариата? Понимают ли наши уклонисты, что уничтожить теперь нацреспублики и области—это значит лишить миллионные массы народов СССР возможности получить образование на родном языке, лишить их возможности иметь школу, суд, администрацию, общественные и иные организации и учреждения на родном языке, лишить их возможности приобщиться к социалистическому строительству? Не ясно ли, что в погоне за показным интернационализмом наши уклонисты попали в лапы реакционных великорусских шовинистов и забыли, совершенно забыли о лозунге культурной революции в период диктатуры пролетариата, имеющем одинаковую силу для всех народов СССР, и для великоруссов, и для невеликоруссов?

„В-третьих, Ленин никогда не говорил, что лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата является реакционным лозунгом. Наоборот, Ленин всегда

стоял за то, чтобы помочь народам СССР развить свою национальную культуру. Под руководством Ленина, а не кого-либо другого, была составлена и принята на X съезде партии резолюция по национальному вопросу, где прямо говорится о том, что:

„Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке“.

„Не ясно ли, что Ленин стоял целиком и полностью за лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата?“

„Разве не ясно, что отрицание лозунга национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата означает отрицание необходимости культурного подъема невеликорусских народов СССР, отрицание необходимости общеобязательного образования для этих народов, отдачу этих народов на духовную кабалу реакционным националистам?“

„Ленин, действительно, квалифицировал лозунг национальной культуры при господстве буржуазии как лозунг реакционный. Но разве могло быть иначе? Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? Буржуазная по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом? Разве не ясно, что, борясь с лозунгом национальной культуры при буржуазных порядках, Ленин ударял по буржуазному содержанию национальной культуры, а не по ее национальной форме? Было бы глупо предположить,

что Ленин рассматривал социалистическую культуру, как культуру без национальную, не имеющую той или иной национальной формы. Бундовцы, действительно, приписывали Ленину одно время эту бессмыслицу. Но из сочинений Ленина известно, что он резко протестовал против такой клеветы, решительно отмежевываясь от такой бессмыслицы. Неужели наши уважаемые уклонисты так-таки поплелись по стопам бундовцев?

„Что же осталось после всего сказанного от аргументов наших уклонистов?

„Ничего, кроме жонглирования флагом интернационализма и клеветы на Ленина.

„Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему остальные национальности к делу социалистического строительства. Они не понимают, что в этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки развития национальных культур народов СССР.

„Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диа-

лектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

„Могут сказать, что такая постановка вопроса „противоречива“. Но разве не такая же „противоречивость“ имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти— вот марксистская формула. Это „противоречиво“? Да, „противоречиво“. Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику.

„Или, например, ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: „раз'единение для об'единения“. Вы только подумайте — раз'единение для об'единения. Это отдает даже парадоксом. А между тем эта „противоречивая“ формула отражает ту жизненную правду марксової диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса.

„То же самое нужно сказать о формуле насчет национальной культуры: расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире.

„Кто не понял этого своеобразия и „противоречивости“ нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

„Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксової диалектики.

„Так обстоит дело с уклоном к великорусскому шовинизму.

„Нетрудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии.

„Отсюда опасность великорусского шовинизма, как главная опасность в партии в области национального вопроса.

„В чем состоит существо уклона к местному национализму?

„Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скор-

лупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

„Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

„Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам.

„Таково существо уклона к местному национализму.

„Задача партии состоит в том, чтобы вести решительную борьбу с этим уклоном и обеспечить условия, необходимые для интернационального воспитания трудящихся масс народов СССР“.

(Стенографический отчет XVI съезда ВКП(б). Доклад тов. Сталина. Заседание третье, стр. 54—56).

И далее, в заключительном слове на XVI съезде ВКП(б) тов. Сталин говорит: „Вторая группа записок касается национального вопроса. Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI съезде с той трактовкой, которая дана в моем выступлении в Университете Народов Востока в 1925 г., и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть разъяснена. „Вы, — говорит записка, — возражали тогда против теории (Каутского) отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма (в одной стране), а теперь, в своем докладе на XVI съезде, заявляете, что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков в одну общую культуру с одним общим языком (в период победы социализма в мировом масштабе), — нет ли тут неясности?“

„Я думаю, что тут нет ни неясности, ни какого бы то ни было противоречия. В своем выступлении в 1925 г. я возражал против национал-шовинистской теории Каутского, в силу которой победа пролетарской революции в середине прошлого столетия в объединенном австрогерманском государстве должна была привести к слиянию наций в одну общую немецкую нацию с одним общим не-

мецким языком и к онемечению чехов. Я возражал против этой теории, как против антимарксистской, антиленинской, ссылаясь на факты из жизни нашей страны после победы социализма в СССР, опровергающие эту теорию. Я и теперь возражаю против этой теории, как видно из моего отчетного доклада на этом XVI съезде. Возражаю, так как теория слияния всех наций, скажем, СССР, в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции в мировом масштабе. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Об этом я также определенно заявил в своем докладе на XVI съезде.

„Где же тут неясность и что, собственно, требуется здесь разъяснить?

„Видимо, авторы записки не вполне уяснили себе по крайней мере две вещи.

„Они не уяснили себе прежде всего тот факт, что мы уже вступили в СССР в период социализма, причем, несмотря на то, что мы вступили в этот период, нации не только не отмирают, а наоборот, развиваются и расцветают. В самом деле, вступили ли мы уже в период социализма? Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье „О левом ребячестве“ впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устарелые, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно — новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства растет и развивается с невиданной быстротой. Можно ли сказать, что эти два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя. Что имели мы в 1918 г. в области народного хозяйства?

Разрушенную промышленность и зажигалки, отсутствие колхозов и совхозов, как массового явления, рост „новой“ буржуазии в городе и кулачества в деревне. Что имеем мы теперь? Восстановленную и реконструируемую социалистическую промышленность, развитую систему совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, умирающую „новую“ буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне. И там переходный период. И здесь переходный период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. И все же никто не может отрицать, что мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко. И все же несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. Не ясно ли, что теория отмирания национальных языков и слияния их в один общий язык в рамках одного государства в период развернутого социалистического строительства, в период социализма в одной стране, есть теория неправильная, антимарксистская, антиленинская.

„Авторы записки не уяснили, во-вторых, того, что вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос внутригосударственный, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос международный, вопрос победы социализма в международном масштабе. Авторы записки не поняли, что нельзя смешивать победу социализма в одной стране с победой социализма в международном масштабе, Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе. Кроме того, надо принять во внимание еще одно обстоятельство, имеющее отношение к ряду национальностей СССР. Есть Украина в составе СССР. Но есть и другая Украина в составе других государств. Есть Белоруссия в составе СССР. Но есть и другая Белоруссия в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языке может быть

разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной ~~границе~~ ^{Константин Кузьмич} границе, от Азербайджана до Казакстана и Бурят-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Понятно, что и тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все эти и подобные им вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР?

„Вот как обстоит дело, товарищи, с национальным вопросом вообще, с упомянутой выше запиской по национальному вопросу в частности“.

(Стенографический отчет XVI съезда ВКП(б). Заключительное слово тов. Сталина. Заседание двенадцатое. Стр. 290—291).

* * *

В соответствии с высказываниями классиков марксизма-ленинизма о языке, и кладя в основу своих позднейших исследований диалектико-материалистические установки, академик Н. Я. Марр, — основоположник нового учения о языке, — рассматривая язык как надстроечную категорию, развил вопрос о соотношении языка и мышления.

„Весь путь исследовательской работы последнего десятилетия жизни акад. Н. Я. Марра, — говорит акад. И. И. Мещанинов, — выдвигая одну за другою задачи уточнения социального обоснования привлекаемых к исследованию языковых фактов, ведет к последней поставленной им теме: „Язык и мышление“. Она оказывается прямым результатом перевода лингвистического учения на арену обществоведческого историзма, результатом подхода к речи истолкованием ее носителя, что привело к необходимости учета современных изучаемой речи социальных структур с выявлением исторических причин, обусловивших их собственные изменения.

„Такая схема с уточненной социально-экономической периодизацией уже имелась налицо в целом ряде работ. „Немецкая идеология“, „Капитал“, „Диалектика природы“, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ укрепляют диалектические позиции в исследовательской работе Н. Я. Марра и ускоряют переход лингвистического учения в материалистическое языкознание. Такой путь был неизбежен, поскольку Н. Я. Марр не только признавал язык за явление социального порядка, что утверждается и индо-европейским языковедением, но и пришел к категорическому

выводу о невозможности оторванного от социальной базы изучения языка во всем его историческом разрезе. Вместе с тем все более уточнялось и представление о нормах сознания и об особой роли последнего в истории развития языкового строя.

„Если язык определяется как практическое действительное сознание и если последнее воспринимается как особенность человеческого общества, обусловленная в своем происхождении и последующем развитии трудовой деятельностью, то и сам язык в его ступенчатом движении распределяется по стадиям в зависимости от изменения форм сознания и своего взаимоотношения с ними. Такое единство языка и мышления вытекает из того, что человечество, меняя формы производства и социальных отношений, изменяет вместе с тем и нормы своего сознания, влияя тем самым на перемены, происходящие и в практическом сознании, то-есть в языке.

„Человечество в своей трудовой деятельности выявляет развивающееся благодаря ей мышление. Оно,двигаемое трудом, выражается в результате трудового же акта. Следовательно, не один только язык, но и все продукты человеческого труда носят в себе отпечаток мышления. Стоя на этих позициях, исследователь еще более убеждается в правоте утверждений Н. Я. Марра о взаимной плодотворности для лингвиста и историка-обществоведа предлагаемого стыка обществоведческих дисциплин, сохраняющих каждая свою специализацию и в то же время об'единяемых общию конечною целью изучения человека и его истории. В этом намечаемом сближении пока еще разрозненных исторических дисциплин языковедение занимает свое определенное место как наука, изучающая „реальное сознание“ (И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. Соцэкгиз, 1936 г., стр. 27, 28).

„...новое учение об языке по яфетической теории, — говорит Н. Я. Марр, — основано в первую голову на закономерности возникновения и развития сначала речи, потом слов, как социальных стоимостей, порождаемых производственными отношениями в процессе их диалектического развития и оформляемых мышлением соответственных стадий и в том же порядке возникших их взаимоотношений, увязок, служебных частиц. Благодаря палеонтологии речи, — вскрывшей смену значений слов, этих надстроечных социальных стоимостей, на различных ступенях стадияльного развития, новое учение об языке не выделяет вопроса о происхождении мышления из глоттогонии (языкотворчества) и, ставя проблему о происхождении языка, как основную, тем самым считает первоочередной

и проблему мышления, отводя служебное место технике речи, звуковая она или ручная. („Язык и мышление“, 1931 г. Избр. работы, т. III, стр. 106).

Разработанную Марром и его школой схему развития языко-творческого процесса можно представить, примерно, в следующем виде:

1. Линейная или ручная речь, представляющая из себя совокупность знаков, выражаемых мимикой и жестами, на ранних ступенях своего развития носила эмоциональный, подражательный характер.

2. Потребность согласования трудовой деятельности вызвала необходимость преднамеренной сигнализации; средством этой сигнализации была рука, поскольку она была главным участником трудового процесса. Движения руки сопутствовались еще телодвижениями и выкриками.

„Орудия производства на начальных этапах у мышления и языка, — говорит Н. Я. Марр, — были общие с производством, и до выработки из них специального инструмента для языка, до разлучения их с орудиями самого материального производства, не могло быть никакой самостоятельной речи: не было отрешенного мышления, не было языка вне производства“¹).

3. Выкрики эти впоследствии вытеснили линейную речь; на ранних ступенях развития звуковой речи выкрики эти по своей потенциальной значимости носили весьма неопределенный характер, употребляясь для обозначения предмета, агента и процесса труда. Поскольку в сознании эти факторы не разграничивались, не было и потребности в их выражении.

4. Впоследствии, с дифференциацией форм труда и происходящими сдвигами в общественных отношениях, в сознании создались дифференцированные представления, а вслед за сознанием соответственно обрабатывался и язык, становясь членораздельным. Создавалась аморфная стадия развития языка.

„За многие сотни тысяч лет, миллиона три, сменились орудия производства стандартизованных языков, при учете мышления качественно четырех языков: ручного языка, победившего комплексный не дифференцированный пантомимо-мимическо-звуковой пиктографический со зрительным мышлением; локализовав мышление в правой руке, ручной язык взял верх и, стандартизованный, охватил весь мир; его сменил звуковой язык в первой стадии своего развития с

¹ Н. Я. Марр. К семантической палеонтологии в языках неафетических систем, стр. 37.

тотемическим мышлением, космическим и микрокосмическим, развернутым в пределах возможностей ручной речи, на второй стадии — с формальным логическим мышлением, когда оно стало воспринимать мир аналитически, все более и более проникая в технику его построения и утрачивая чувство целого, синтез, со сменой орудия выявления (всего тела, рук и лица, полости рта и звуков), орудия восприятия (сердца, ушей) и локализации мышления в правой руке, сердце и, наконец, в голове¹).

„Никаких натуральных слов не существовало. Слова создались с тех пор, как стала слагаться звуковая речь, в удовлетворении потребностей, возникавших с развитием хозяйственной жизни и социальной структуры коллективов в путях достигнутой в то время техники в зависимости от мышления тех же эпох. Но создались слова не на пустом месте в путях отвлеченного мышления, хотя бы в увязке с общественностью и ее материальными предпосылками и ее мировоззрением, а в постепенно протекавшем диалектическом расхождении с кинетической речью, языком жестов и мимики, рядом с которым элементы звуковой речи служили долго лишь подсобным материалом, ограничившим свое использование кругом предметов и представлений магического порядка. Когда же сложилась звуковая речь и вышла за пределы магических потребностей в мир обычных предметов и представлений, победительница сраженной кинетической речи оказалась забравшей все достижения линейного языка: первичные слова и производные образования звуковой речи не что иное, как перевод линейных или кинетических символов, сигнализовавшихся рукой, на звуковые символы. И, конечно, техника этого перевода, вообще техника построения слова была не только формально, но и идеологически различна, как самое мышление, на различных стадиях человеческого развития²).

5. Звуковая речь первично представляла из себя еще совокупность односложных корнеслов, без дифференциации частей речи и грамматических форм. Значение этих слов уточнялось исключительно их взаиморасположением.

Новые представления обслуживались либо фонетическими изменениями самого корнеслова (например, по такому типу, как:

qol — рука, *kyn* — день, *kel* — приходи,
qyl — делай, *tyn* — ночь, *ket* — уходи, и т. п.),

либо путем простого сложения двух и более корнеслов.

¹ Н. Марр. К бакинской дискуссии, стр. 7.

² Н. Я. Марр. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком? (Сб. Языковедение и материализм, стр. 39—40).

На этой стадии развития звуковой речи нет еще морфологии, в строгом понимании этого термина.

6. Ряд слов начал употребляться с подсобным (вспомогательным) значением, часто утрачивая свою самостоятельность. Так создалась категория служебных слов—предлогов (употребляющихся перед словом, к которому они относятся) и послелогов — употребляющихся после слова, к которому они относятся.

Служебные слова в одних случаях окостенели, в других случаях, при дальнейшем развитии языка, эти служебные слова превратились в аффиксы (формальные элементы, присоединяемые к основам). Процесс обращения служебных слов в аффиксы называется грамматикализацией.

7. Начало грамматикализационного процесса знаменовало собой переход языка на новую — агглютинативную стадию развития.

Агглютинативные языки в качестве выражения грамматических отношений пользуются аффиксами, механически присоединяемыми (нанизываемыми) к основе один за другим. В агглютинативных языках корень слова может выступать на правах самостоятельного слова и является базой для образования производных форм.

Так, напр., киргизское „*caz* — пиши“ в то же время является основой для образования производных форм: „*cazатып* — я пишу“, „*cazды* — он писал“ и т. п. Каждому грамматическому представлению соответствует один аффикс, аффиксы наслаиваются один на другой, не нарушая своей формы:

too — гора,

toolor — горы,

toolorubuz — наши горы,

toolorubuzda — в наших горах, и т. п.

Порядок слов, однако, продолжает еще играть роль для уточнения значения основ; слабо развито согласование определения и определяемого.

В тех случаях, когда аффикс начинает фузириться (срастаться, вклиняться, объединяться) с основой, тогда в слове выделяется уже корень и окончание, и при изменении слова аффиксы сочетаются с корнем, возмещая окончание, а иногда и требуя после себя особые окончания.

В русском слове „книга“ имеем корень „книг“ и окончание — „а“, которое при изменении слова отбрасывается. Имеем: „книга“, „книгой“ и т. п., а не — „книгаой, книгае“ и т. п.

Такие аффиксы, вклиняющиеся в основу, называются фузирую-

шими аффиксами, в отличие от аффиксов сополагающих, которые, — как в кирг. примере *toolorubuzda* или как в русском „доме, дому, домом“, — в основу не вклиняются.

Развитие фузирующих аффиксов приводит, как уже говорилось выше, к резкой дифференциации слова на корень и окончание, свойственной флективной стадии развития языка.

8. Флективные языки характеризуются следующими особенностями:

1) Корень слова, как правило, не может употребляться изолированно в значении самостоятельного слова (ср. русск. корни „чит“, „пиш“ и т. п.), а получает конкретное значение (уточняясь во времени, пространстве или лицах), лишь сочетаясь с аффиксами. Что же касается таких слов, как „дом“ и т. п., не разложимых на корень и окончание, то они в одних случаях являются продуктом разложения флективного строя (раньше в слове „дом“ было окончание — ь), либо пережиточным явлением.

2) Аффиксы фузируются.

3) Один аффикс может совмещать в себе выражение нескольких грамматических идей: русск. аф. *ов* (в словах — „столов, домов“ и т. п.) выражает одновременно идею и числа, и рода, и падежа. В агглютинативном же языке для выражения этих идей потребовалось бы три аффикса.

4) Порядок слов, благодаря развитию формальных элементов и явления согласования, утрачивает свое значение.

5) Кроме того, во флективных языках развито еще и явление внутренней флексии — изменение значения слова путем изменения элементов корня. Ср. арабск.:

katawa — он писал,

kitab — книга (то, что написано, писание),

kutub — книги,

katis — пишущий, секретарь, и т. п.

Однако, изменение внутри корня могло использоваться в качестве средства изменения значения слова еще и на аморфной стадии развития языка.

9. Предполагается, что языкотворческий процесс протекает стадияльно в такой последовательности:

1) Из аморфной стадии, на основе грамматикализации, происходит переход в стадию агглютинативную.

2) Из агглютинативной стадии — во флективную.

Однако, языки флективной стадии в процессе стабилизации фор-

мальных элементов могут вновь приобрести признаки аморфных языков (напр., английский).

Такова установившаяся точка зрения, но чистых представителей агглютинативных и флективных стадий в природе не существует, и мне, лично, процесс этот представляется несколько иначе: явление внутренней флексии и потом признаки флективного строя могут непосредственно, минуя агглютинативную стадию, развиваться в ряде основ языка аморфного строя (параллельно с явлениями агглютинации). В русском и арабском языках, например, явления агглютинации и флексии суть параллельные, а не генетически зависящие категории.

§ 2. К характеристике особенностей киргизского языка.

В типологическом отношении принято причислять киргизский язык к числу агглютинативных языков. Однако, как это показало новое учение о языке, чистых представителей отдельных стадий языкотворческого процесса мы сейчас не наблюдаем¹⁾.

В каждом языке, помимо подавляющего большинства признаков одной стадии, обнаруживаются пережитки предыдущих и зачатки последующих стадий развития языка.

А. Из пережиточных явлений, обнаруживаемых в современном киргизском языке, можно отметить следующие:

1. Полисемантизм некоторых слов:

а) наличие глагольно-именных основ типа —

toj = 1) пир и 2) пируй, насыщайся (имя и глагол), или
oj = 1) углубление, низина и 2) углубляй;

б) пережиточный полисемантизм основ первичного происхождения, например, —

vaş = 1) голова, 2) верх, 3) начало,

køk = 1) голубой, 2) небо, 3) зелень,

ajaq = 1) низ, 2) ноги, и т. п.

Не следует, однако, думать, что всякий случай употребления основы в переносном значении есть явление пережиточного полисемантизма. Изменение (по пути расширения или сужения) значения слова происходит всякий раз, как только происходит сдвиг в мышлении субстрата, или когда слово попадает в иную социальную среду.

¹ См., напр., работу академ. Мещанинова — Проблема классификации языков в свете нового учения о языке. Ленгр., 1933 г.

2. Изменение значения слова в зависимости от его позиции в предложении. Ср., например:

köz ajnek — глазные стекла, очки и
ajnek köz — стеклянный глаз,

при отсутствии какого-либо формального выражения связи между членами предложения, кроме порядка слов.

К этому случаю может быть причислено и изменение значения форм на *-qan* или *-ar*, в зависимости от их позиций в предложении. Здесь, однако, следует усматривать не пережиточные значения форм, а пережитки способа уточнять значение слов, восходящие к традиции аморфной стадии.

3. К числу явлений, свойственных стадии, промежуточной между аморфной и агглютинативной, можно отнести наличие послелогов, однако успевших уже пройти свою эволюцию, и по формальным признакам мало чем отличающихся от общей массы основ.

Часть послелогов превратилась в аффиксы. Это и соответствовало периоду формирования агглютинативной стадии. О них речь будет несколько ниже. Другие послелогии представляют из себя либо продолжающие существование древние послелогии, либо ряд нынешних послелогов представляет из себя категорию окостеневающих (напр., *çanьnda* — около, *aldьnda* — перед и т. п.) с дефективным, неполным склонением, или окостеневших уже (*kijin*, *ilgeri* и т. п.) имен. В случаях превращения имен в послелогии следует усматривать лишь пережиточный способ выражать соотношение между членами суждения.

4. Универбационный процесс (= процесс слияния основ) может быть с одинаковым успехом отнесен к явлениям любой стадии, ибо этот процесс наблюдается на примерах бесформенных и на примерах элементов, прошедших большой путь эволюции в формальном отношении.

Такие основы, как „*qantip* из *qanь etip* = как“, „*alpar* из *alьp var* = унеси“ и т. п., могут рассматриваться в качестве примеров этого универбационного процесса.

5. Безусловно, к числу пережиточных (для киргизского языка) явлений следует отнести использование изменения основы для семантического членения ее. Это простейший случай внутренней флексии, которая свойственна была и языкам аморфной стадии.

Ср. изменения значения основ:

çaz — весна и *çaj* — лето,

qbr — ломай и *qur* — строй,
gol — рука и *qbl* — делай, и т. п.;

или ср. случаи, отмеченные западно-европейскими туркологами еще в прошлом столетии:

kel — приходи и *ket* — уходи,
al — бери и *at* — стреляй.

6. Явление редупликации вскрывается в форме интенсификации от прилагательных, по типу:

qarqara — черный - черный = очень черный,
qarqazyl — красный - красный = очень красный, и т. п.

Здесь, однако, мы имеем наглядный пример превращения одного из элементов в своеобразный, видоизменяющийся префикс — *qar*, *qyr*, *sar* и т. п.

Б. Грамматикализационный процесс (процесс обращения часто употребляющихся слов в аффиксы), знаменующий переход языка из аморфной стадии в агглютинативную, достаточно ясно обнаруживается, ну, хотя бы, на примерах личных окончаний глагольных форм по типу — *çazatʸn* (где - *ʸn* из *men*), *çazasʸŋ* (где - *ʸŋ* из *sen*) и т. п.

В. Из явлений, свидетельствующих о наличии в киргизском языке отдельных случаев выхода из агглютинативной стадии, можно отметить явления фузии.

1. Из примеров фузии в киргизском языке можно отметить следующие:

а) Утрату гласного глагольной основой при образовании инфинитива:

vašta + *oo* = *vaštoo* — начинать,
oqi + *im* = *oqim* — учеба, читать, чтение.

б) Утрату конечного гласного при сочетании с - *ki*:

emi + *ki* = *emki* — нынешний.

в) Единичный случай утраты конечного гласного в *vala*:

vala + *lar* = *valdar* — дети.

г) Утрату (в результате регрессивной ассимиляции) конечного согласного, напр., *n* в аффиксе *oan*, при образовании формы 1-го лица:

aloʃat = *aloʃatʸn* = *aloʃantʸn* — я брал, взял.

д) Утрату *z* в „*siler* — вы“, утрату аффиксального согласного в „*alar* — они“, как и в сложном аффиксе — *sʸnar* (из *sʸn* + *lar*).

Наконец, можно отметить и выпадение аффикса при образова-

нии вопросительной формы наст.-будущего времени: „*volovi?*“ (из *volo* [t] *pu*) = будет ли?“

2. В качестве примеров явлений, промежуточных между фузией и флексацией, можно отметить:

а) Случай выпадения узкого гласного в последнем, закрытом слоге двусложных основ при сочетании с аффиксом, начинающимся на гласный:

$ajbl + v = ajlv$ — его аул.

б) То же, но уже с последующим изменением конечного согласного и основы:

$erip + i = erdi$ — его губы,

$qarɣn + v = qardv$ — его желудок.

в) Нарушение схемы склонения личных местоимений:

taqa, taa (вм. **menge*) — мне,

saqa, saa (вм. **senge*) — тебе,

aqqa (вм. **aloqa*) — ему,

anda (вм. **alda*) — у него, и т. п.

К числу подобных примеров можно отнести и особенности склонения указательного местоимения:

vi — это,

tunda, tɔnda — в этом,

tipan — из этого,

где появляется вставочный *n* (как при склонении имен с притяжательным аффиксом III лица: „*atɔnda* (← *at + v + da*) = на его коне“).

Переход начального *v* в *t* объясняется законом регрессивной ассимиляции (носовой *n* назализует *v*).

г) Наличие особенностей склонения имен с притяжательными аффиксами единственного числа:

$at + vt + qa = atvta$ — моему коню,

$at + vɣ + qa = atvɣa$ — его коню,

$at + v + qa = atvna$ — твоему коню,

$at + v + nv = atvɣn$ — его коня,

$at + v + dan = atvɣan$ — от его коня.

д) Появление стяженных основ, с выпадением согласных, могут рассматриваться как фонетическая (не фонологическая) подпочва будущей флексации:

saar (← *savɣr*) — бегая,

saa (← *saqa*) — тебе, и т. п.

е) Наконец, следует отметить наличие ряда глаголов, образо-

ванных от таких оноματοпоэтических (подражательных) слов, которые самостоятельно не употребляются:

vydyl'da — бормочи (корень **-vyd*),

arvaj — качайся (корень **-arb*),

dardaj — кажись величавым (корень **-dard*), и т. п.

Все это, конечно, единичные случаи, но ведь в языкотворческом процессе переход из стадии в стадию совершается не единовременным изменением всей структуры данного языка, а путем поглощения новых элементов из языка другой системы, либо в процессе развития внутренних противоречий, влекущих изменение структурных особенностей отдельных элементов.

Когда приводимые единичные случаи станут массовым явлением, тогда уже и уместно будет говорить о переходе языка в иную стадию.

Подводя итоги, отмечу, что на приведенных фактах мы можем вскрыть все этапы языкотворческого процесса.

1. Пережитки аморфной стадии, включая и случаи использования флексии, как средства семантического членения основ.

2. Появление служебных слов (напр., послелогов).

3. Процесс грамматикализации и вступление языка в агглютинативную стадию.

4. Явление аффиксации.

5. Явления фузии, перерастающие во флексадию.

При преобладании явления агглютинации, в современном киргизском языке обнаруживаются, как уже говорилось, и явления, относимые к другим этапам развития языка (напр., наблюдаемые сейчас процессы грамматикализации, наличие послелогов и т. п.). Это объясняется неравномерностью типологического развития отдельных элементов и процесса окостенения отдельных форм. Кроме того, следует не забывать, что сам киргизский язык мог и не проходить всех указанных этапов развития, ибо к моменту формирования киргизского языка его предшественники (из которых сложился кирг. язык) успели уже пройти разные (и не одинаковые) этапы своего развития. В процессе формирования киргизского языка могли быть использованы не только факты, а общие способы выражения содержания в отношении элементов, достигших различных ступеней своего развития.

* * *

По своему словарному составу, по значению и употреблению значительной части формальных элементов киргизский язык отно-

сится к системе турецких языков. К числу этих турецких языков относятся:

1. В Советской Средней Азии и Казахской ССР: киргизский, узбекский, казахский, каракалпакский, туркменский.

2. В Китайском (восточном) Туркестане (в китайской провинции Синь-Цзян): уйгурский (ново-уйгурский), или кашгарский, таранчинский, или таранчинское наречие уйгурского (ново-уйгурского) языка, сарыг-уйгурский.

3. В Тану-Тувинской республике (между Сибирью и Монголией): тану-тувинский, или тувинский, или урянхайский, или сойотский.

4. Турецкие языки на территории Сибири: якутский, карагасский, саларский, камасинский, койбальский, качинский и сагайский (хакасский), шорский, бельтирский, кюэрицкий, алтайский, или ойратский (ойротский), телеутский, кумандинский, чулымское, абинское и черное наречия.

5. В Поволжье: татарский, мещерский, башкирский, ногайский и чувашский.

6. На Кавказе: азербайджанский (или „тюркский“), кумыкский, карачаевский, балкарский.

7. В Крыму: крымчацкий, или крымско-татарский, караимский.

8. В Турции: анатолийский — по прежнему наименованию османский, или турецкий, в узком смысле слова.

9. В Бессарабии: гагаузский.

10. Языки древних письменностей, т. е. древне-турецкие языки: орхонский, уйгурский, чагатайский.

Вышеперечисленные турецкие языки причислялись традиционной лингвистикой к составу т. н. урало-алтайского языкового семейства.

По устаревшему представлению традиционной (индо-европейской) лингвистики, урало-алтайская семья языков восходит генетически к некоему праязыку, от которого отпочковались впоследствии ветви: уральская (в составе языков угро-финского и самоедского) и алтайская (в составе групп: турецкой, монгольской и манчжуро-тунгусской).

Сейчас вопрос о сближении уральской и алтайской ветвей снимается, и по-иному ставится (в свете нового учения Н. Я. Марра о языке) проблема происхождения языков: предполагается, что языки создавались не в процессе дробления праязыка, а, наоборот, в процессе объединения (или скрещивания) ряда языков.

Таким образом, наличие общих черт (словарных, типологических и т. п.) в языках турецкой системы должно быть объяснено взаимоскрещиванием предков языков, входящих в эту систему. Совместные миграции, экономическое соприкосновение коллективов приводило к влиянию одних языков на другие. Благодаря этому в современных турецких языках мы обнаруживаем несколько напластований. Вместе с 30—40% общих для подавляющего большинства турецких языков словарных черт (— турецкий пласт), в них мы обнаруживаем еще ряд напластований, общих турецким и монгольскому языкам, ряд элементов китайского, тунгузского и других языков.

Кроме того, отдельные турецкие языки содержат в себе словарные, фонетические и некоторые морфологические элементы, отличающие их от других языков. Так, например, арабские и иранские элементы резко отличают в словарном отношении турецкий язык от турецких же, например, языков Средней Азии.

После Октябрьской революции положительную роль в развитии турецких языков играет русский язык, привносящий в турецкие языки новый пласт русских и интернациональных элементов, при отживании ряда арабизмов.

Общность, позволяющая объединить ряд языков в систему турецких языков, создалась, конечно, в процессе взаимодействия различных разрозненных ранее языков. Рассматриваемая система языков именуется турецкой по имени племени „тюрк“, сыгравшего некогда роль в объединении ряда разрозненных (и частично-иноязычных) племен. По имени господствовавшего рода именовался и древний политический союз, а вслед за ним и коллективы, говорившие на сходных языках. Таким образом племенное название „тюрк“ стало собирательным, с сохранением, однако, и параллельных родовых и племенных названий. Имя это, судя по орхонским надписям (на р. Орхон), служило племенным названием еще в VII веке н. э. Само имя это значило — „шлем“ или „железный клубок“. Древние тюрки (в узком значении имени рода) жили у Саянских гор и занимались, повидимому, обработкой железа, изготовлением оружия и шлемов.

Начиная с VI века совокупность турецких племен, говоривших на разных языках, последовательно расселилась на территории Средней и впоследствии Малой Азии и России, впитывая в себя новые языковые элементы.

Киргизский национальный коллектив сложился в процессе

последовательного объединения представителей различных (не только турецких) племен. Подтверждением этого может служить наличие, у киргизов таких, например, родовых названий, как катаганы, монголдор и др., обнаруживаемые и в других национальных коллективах (катаганы в узбекском и казахском коллективах).

Точно так же и в языковом отношении киргизский язык является продуктом объединения и взаимодействия различных языковых пластов. На основании исторических данных трудно судить о времени образования специфических для киргизского языка особенностей; короче говоря, трудно точно установить дату появления той речевой системы, которая, оказавшись ведущей, в процессе развития внутренних противоречий и скрещивания, дала нынешнее качество, или киргизский язык.

Академик В. В. Бартольд в своей работе „Киргизы“ (г. Фрунзе, 1927 г.) указывает, что первые известия о киргизах могут быть отнесены к 201 г. до нашей эры. Однако, эти данные ничего не говорят об языке и местоположении киргизов. Во всяком случае можно по ряду данных судить о том, что киргизы, в то время находясь где-то в бассейне верхнего течения Енисея, сталкивались с динлинами — предками енисейских остяков, хуннами, китайцами и, очевидно, с предками других турецких племен. Достоверные данные о судьбах киргизского народа относятся к VI веку н. э.; по этим данным можно судить о том, что в это время киргизы говорили уже на одном из турецких языков; причем акад. Бартольд высказывает положение о том, „что киргизы были отурченными енисейскими остяками и вели войны со своими родичами, сохранившими свой прежний язык“.

Это положение дает основание предположить, что ведущая система киргизского языка сложилась во всяком случае до VI в. н. э. и, при наличии подавляющей массы турецких элементов, включала элементы языков хуннов, остяков, китайцев и монголов.

Некоторые исследователи видят в языке енисейских (в бассейне верхнего течения р. Енисея) древне-турецких надписей (надгробные камни) VI—VIII вв. язык киргизов.

Но вопрос этот окончательного разрешения не получил, как и не уточнен вопрос о дате появления киргизов на Тянь-Шане. Факт этот совершился во всяком случае до XVI века, и киргизы застали на нынешней территории ряд народностей, говоривших на турецких и других языках. Процесс скрещивания с этими предшественниками, конечно, отразился на качестве киргизского языка, пошедшего уже

по иному пути, нежели язык киргизов, оставшихся на Енисее и в Ойротии.

Современный киргизский язык относится (в составе системы турецких языков) к одной группе с казахским, каракалпакским, некоторыми говорами узбекскими, башкирским и татарским языками. Нет надобности останавливаться здесь на характеристике этой группы, так как состоит она из самостоятельных языков, а общие классификационные черты для нас практического значения не имеют. Те же соответствия, которые могут иметь практическое значение, мы укажем при рассмотрении конкретных элементов фонетики.

Киргизский язык территориально соприкасается на севере с казахским, на юге — с узбекским (главным образом с несингармонистическими говорами) языками. На территории Киргизии совмещаются в ряде пунктов киргизский, узбекский, уйгурский, русский, дунганский и немецкий (в Таласе) языки.

Основной территорией распространения киргизского языка, разумеется, является территория Киргизской ССР. Кроме того, представители киргизского языка имеются в Синь-Цзянской провинции Китая, в Горнобадахшанской области Тадж. ССР и в северо-западной части Туркменской ССР (переселенцы, откочевавшие с Тянь-Шаня в начале колонизации края, т. е. в 60—70-х годах прошлого столетия).

Вместе с этим, представители киргизского языка имеются в Ойротии и, наконец, на Енисее (по непроверенным данным язык современных енисейских киргизов резко отличается от киргизского литературного языка).

Киргизский язык имеет за собой солидную историческую давность, нашедшую отражение в народном творчестве: киргизский эпос „Манас“ (около 400 тыс. стихотворных строк в полном цикле Манаса, Семетея, Сейтека) безусловно является сокровищем мировой литературы. Фольклорные фонды киргизского языка неисчислимы и являются богатейшим источником для лингвистических, исторических и литературоведческих исследований.

В истории развития киргизского языка (в общем, совершенно еще неизученной) априорно можно наметить такие периоды.

1. Период до VII в. н. э. включительно. Памятниками этого периода (повидимому) являются надгробные надписи (написанные т. н. руническим, „орхонским“ алфавитом), расположенные в бассейне верхнего течения Енисея.

II. Период с VII в. по XV в., т. е. до прихода киргизов на Тянь-Шань.

III. Период с XV в. по XIX в., т. е. до начала колонизации края российским империализмом.

IV. Период с шестидесятых годов прошлого столетия до Октябрьской революции.

V. Период после Октябрьской революции, характеризуемый бурным ростом киргизского языка, сдвигами в области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и отмечаемый в 1924 г. оформлением письменного киргизского языка.

§ 3. Грамматические средства киргизского языка.

К типологической характеристике киргизского языка необходимо приобщить следующие сведения о грамматических средствах или способах выражения грамматических отношений.

1. Из средств, присущих языкам аморфной стадии, следует отметить в киргизском языке пережиточный способ выражения грамматических отношений путем взаиморасположения членов предложения.

Ср. *Köz ajnek* — глазные стекла, очки,
ajnek köz — стеклянный глаз.

Это положение распространяется не только на основы, но и на аффиксальные образования, изменяющие свое значение в зависимости от своего места в предложении.

Ср. *Kelgen kişi* — пришедший человек,
Bu kişi kece kelgen — этот человек пришел вчера,
Al kelgende viz çazdıq — при его приходе мы писали
(когда он пришел, мы писали), и т. п.

2. Из явлений промежуточного типа между аморфной и агглютинативной стадией следует отметить широкое употребление служебных слов (предлогов и послелогов), которые, правда, в свою очередь в ряде случаев подвергаются изменениям по падежам и лицам, т. е. отличаются грамматическими свойствами имен.

Пережиточным здесь следует считать факт употребления служебных слов, но сами служебные слова пополняются именными образованиями; еще и сейчас не всякий, напр., послелог отличается особой древностью: древнейшие послелогические уже успели грамматикализироваться. На правах служебных слов употребляются:

а) Имена (для выражения пространства, соположения, времени и т. п.) Напр., в выражениях:

yj çapьnda — около дома (*çap* — бок, сторона),
yj çapьna — к дому,
stol ystynde — на столе, на поверхности стола,
(*ysty* — верх, поверхность),
stol ystynen — со стола (с поверхности стола), и т. п.

б) Наречия-последлоги, напр. в выражениях:

andan kijin — после того,
andan ilgeri — перед тем, и т. п.

в) Наречия-предлоги, напр.:

avdan çaqşь — очень хороший, очень хорошо, наилучший;
eң çaman — наихудший, очень плохой, очень плохо, и т. п.

г) Окостеневшие отглагольные образования — *eken*, *ele*, *emes* (окостеневшие формы неупотребляющегося глагола „е — будь“).

д) Некоторые деепричастные и другие производные отглагольные образования, напр.:

der — говоря, *volur* — будучи, и др.;
ketem, — *der*, — *ajttь* — уйду (говоря), сказал он,
oqutuisu volur iştejt — работает (будучи) учителем, и т. п.

Примечание: Все эти категории служебных слов будут рассмотрены подробно в последующих разделах книги.

3. Типичным для агглютинативного строя грамматическим средством в киргизском языке являются аффиксы, сложившиеся в ряде случаев в процессе грамматикализации служебных слов (ср., напр., происхождение приставок спряжения из личных местоимений в выражениях:

kişimin — я есмь человек,
kişisiñ — ты еси человек, и т. п.),

либо заимствование в готовом виде из других языков (напр., *ger* в выражении „*soodager* — торговец“, и т. п.).

По значению аффиксы могут быть разбиты на словообразовательные и словоизменительные.

Словообразовательные аффиксы делятся на приименные (— сочетающиеся с именными основами) и приглагольные (— сочетающиеся с глагольными основами). Эти словообразовательные аффиксы служат для образования новых частей речи или для изменения оттенков значения основы и, следовательно, могут сочетаться не со всеми основами.

В составе словоизменительных аффиксов следует выделить такие категории:

- а) для образования числа,
- б) притяжательные,
- в) аффиксы спряжения,
- г) аффиксы склонения (или падежные).

По соположению с основой почти все аффиксы киргизского языка являются суффиксами, следуя после основы. Устойчивых префиксов (аффиксов, находящихся перед основой) в киргизском языке нет, имеется только одна категория, приближающаяся к префиксам: это способ образования усиленной степени путем двукратного повторения основы прилагательного с усечением и завершением согласным *p* первой части получаемой комбинации:

qarqara (из *qara-qara*) — очень черный = черный-черный;

kөpkөk (из *kөk-kөk*) — очень синий;

sapsarь (из *sarь-sarь*) — очень желтый, и т. п.

Огромное большинство аффиксов в киргизском языке относится к числу сопологающих аффиксов; фузирующие аффиксы составляют незначительное меньшинство. Для примера приведем образование ласкательной формы от *Çumaş* — Джумаш и *Çuke*, в которой аффикс не фузируется с основой. (Подробнее об этом указано будет при рассмотрении отдельных аффиксов).

4. К числу грамматических средств киргизского языка можно отнести также и интонацию, позволяющую различать изолированно значение таких гомонимов, как „*at*—стреляй“ и „*at*—лошадь“ и т. п., не говоря уже о передаче характера вопроса, восклицания, удивления и т. п. Таким образом, к числу грамматических средств киргизского языка относятся:

- 1) порядок слов в предложении,
- 2) интонация,
- 3) служебные слова,
- 4) аффиксы.

ЭЛЕМЕНТЫ ФОНЕТИКИ СОВРЕМЕННОГО КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА¹.

В О К А Л И З М.

В современном стандартном киргизском языке имеется 14 гласных звукопредставлений (фонем²), из коих выделяется 8 кратких (*a, e, o, ɐ, ɨ, и, у*) и 6 долгих (*aa, ee, oo, ɔɔ, ии, уу*).

§ 4. Краткие гласные.

Краткие гласные, сравнительно с русскими, отличаются относительной беглостью, по долготе своего произношения относясь к соответствующему русскому произношению как три к пяти (т. е. в промежуток времени, требующийся для произношения трех одинаковых гласных русского языка, может быть произнесено пять таких же гласных киргизского языка).

С качественной стороны, исходя из критерия места (т. е. учитывая задний, средний или передний участок языка, принимающий активное участие в произношении данного звука) и способа (по величине челюстного угла или по высоте подъема языка, выделяя —

¹ В данном разделе книги мы даем элементарное описание лишь массовых стандартных (койнвизированных) норм киргизского языка, опуская рассмотрение, диалектологических особенностей, описанию которых посвящается особая серия работ — „Северные диалекты киргизского языка“, издаваемая НИИКЯП.

При разработке этого раздела использованы следующие работы:

1. W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen* (Лейпциг. 1882—3).
2. П. М. Мелиоранский. *Краткая грамматика казак - киргизского языка*, Спб, 1894. ч. I.

3. Б. Я. Владимирцов. *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия*. Введение и фонетика. Лгр., 1929 г.

Об остальных работах указания делаются в тексте.

² Под фонемой мы разумеем здесь такое звукопредставление, которое может вносить смысловое изменение в слово. Поскольку, например, в двух вариантах слова „окно“ и „акно“ смысловой разницы нет, то в данном случае начальные *o* и *a* мы будем рассматривать не как две самостоятельных фонемы, а как два звука или звуковых варианта одной фонемы. Наоборот, в словах „окно“ и „окна“ конечные *o* и *a*, внося изменения в слово, являются не просто звуками, а фонемами.

нижний, средний и верхний под'ем) образования гласных, так можно характеризовать краткие гласные киргизского языка.

а) Негубные (губы не принимают активного участия в произношении).

А — в отличие от русского а, произносится при максимальной оттяжке языка назад, при отрыве кончика языка от основания нижних зубов; оказывается, следовательно, максимально задним, тогда как в русском произношении а оказывается средним по участку языка, принимающему активную нагрузку. Наконец, русское я (после согласных), в словах — Кяхта, мясо и т. п., — оказывается уже передним а по месту образования.

В единичных случаях в киргизском языке возможно появление чисто комбинаторного (зависящего от соседних) а среднего ряда или, точнее, — „средне-переднего“ (по пункту языка, находящемуся на грани между средним и передним участком языка) в таком, например, слове как „akitaş — известь“; но следует помнить, что это только лишь единичные случаи.

Е — приблизительно соответствует русскому е, следующему после согласного, напр., как в слове „лето“. Однако, в русском языке е произносится в некоторых случаях с меньшим раствором рта (оказывается более „узким“) и благодаря этому тяготеет в неударных слогах к и (вм. „село“ произн. „сило“ и т. п.). В киргизском языке е характеризуется более широким раствором рта и тяготеет к э, отличаясь от него незначительной мягкостью.

Примечание. Следует не забывать, что в русской графике буква е в начале слова, а также после ъ, в и гласных передает два звука: „еда = jeda“, „с'езд = sjezd“, и т. п.

Б — в общем соответствует русскому ы, с той лишь незначительной разницей, что киргизское ь, оставаясь средним по месту образования, оказывается более задним, нежели в русском привычном произношении.

І — являясь (как и в русском) переднеязычным, по сравнению с русским и, оказывается более задним (следовательно, более твердым, промежуточным между русскими ы и и). Благодаря этому киргизское і в конце предложения улавливается русским ухом как ь, напр., „keldi (вм. — кельди) — кельды = он пришел“, и т. п.

Соотношение особенностей произношения негубных гласных в киргизском и русском языках выразим в таблице графически следующим образом. Гласные в кирг. произношении обозначим заглавными буквами (А, Е, Б, І), гласные в русском произношении обо-

значим строчными. Точное соответствие произношения выразим совпадением букв в одной точке. В случае расхождения произношения, буквы, хотя и лягут в таблице в одном квадрате, но будут отодвинуты в соответствующую сторону по горизонтали и по вертикали.

Таблица I.

П о д' е м я з ы к а	Верхний (узкие гласные)	и I	ы B	—
	Средний (полуузкие)	E e э	—	—
	Нижний (широкие)	я	а	A
По месту образования:		Передние	Средние	Задние

Таким образом, киргизские *I*, *B*, оказываясь одного ряда с аналогичными русскими, отличаются от них сдвигом языка назад (что придает им большую твердость), не выходя, однако, за пределы вертикальных рядов. Киргизское *A*, также отличаясь сдвигом назад, выходит уже за пределы среднего ряда.

Киргизское *E* оказывается более узким, нежели *э*, но более широким, нежели *e* (русск.); в то же время оно, будучи более передним, нежели русское *э*, звучит несколько мягче его.

б) Губные гласные (произносимые при активном участии губ).

О — в отличие от русского, образуется более узким раствором рта, оказываясь полуузким (среднего под'ема) по сравнению с широким русским *о* (нижнего под'ема).

Таким образом, киргизское *о* по способу образования оказывается промежуточным между русскими *о* и *у*. Благодаря этому часто русское ухо улавливает киргизское *о* как *у* (русское); *ө* — оказывается передним (мягким) вариантом *о*, приблизительно (но отнюдь не в полной мере) соответствуя русскому *ё* после согласных (напр., в слове „лёд“). Отличие между киргизским *ө* и русским *ё* заключается в том, что киргизское *ө* более узкое, нежели широкое русское *ё*.

U — в общем соответствует русскому *у*.

У — оказываясь передней разновидностью *и* (киргизск.), в общем соответствует русскому *ю*, стоящему после согласных, отличаясь от *ю* более активной работой губ, с их вытягиванием и сближением, благодаря чему киргизское *у* оказывается мягче русского *ю*.

Соотношение между местом и способом образования русских и киргизских губных гласных выразим в прилагаемой таблице, киргизские гласные обозначая заглавными буквами.

Таблица II.

	Передние	Средние	Задние
Узкие	У ю	—	U, y
Полуузкие	Ө	—	О
Широкие	ё	—	о

Таким образом, кирг. *U* и русск. *у* совмещаются; русское *ю* оказывается более задним и более широким, нежели киргизское *У*; *Ө* и *О* оказываются в другом ряду, нежели русские *ё* и *о*.

§ 5. Долгие гласные.

В киргизском литературном языке выделяется шесть долгих гласных, по месту и способу образования соответствующих аналогичным кратким. Долгие гласные обозначаются графически на практике двойными гласными. Таким образом имеем: *aa*, *ee*, *oo*, *өө*, *ии*, *уу*, например, в словах — „*talaa* — поле“, „*ee* — хозяин“, „*too* — гора“, „*tөө* — верблюды“, „*suu* — вода“.

В общей массе случаев в живой речи долгие *ьь*, *ii* не обнаруживаются.

Исходя из своих личных наблюдений, я полагаю, что в киргизском языке нет монолитного (односложного) долгого фонематического *aa*, а есть сочетание двух *a* с зиянием между ними.¹ В огромном

¹ По вопросу об отсутствии долгого *aa* в киргизском языке Институт расходится с мнением автора, публикуя этот абзац в порядке обсуждения. (Прим. редакции).

большинстве случаев сочетание *aa* возникает на базе утраты согласного, бывшего между двумя *a*:

Кирг. „*saar* — город“ из персидск. (через посредство узбекского)—*ṣāhar*;

„*saat* — час“ из *saqat*, и т. п., как и кирг. *таа* из „*та-а* — мне“.

На мой слух в словах с *aa* в середине основ улавливается два (а не одно) *a*.

Относительно характеристики долгих гласных с количественной стороны, отметим, что они по своей долготе относятся к долготе русских соответствующих гласных, примерно как два к трем (т. е. для произношения двух долгих гласных кирг. языка требуется такой промежуток времени, который нужен для произношения трех русских соответствующих гласных). Отсюда вытекает, что долгий гласный киргизского языка в полтора раза (а не в два!) протяжнее соответствующего русского. Этим и объясняется то обстоятельство, что на-слух русские не различают долгих и кратких гласных в киргизском произношении.

§ 6. Экскурс о происхождении долгих гласных.

Различение долгих и кратких гласных обнаруживается на сегодняшний день в относительно немногих турецких языках и преимущественно в тех, которые сохранили древне-турецкие черты в области фонологии. Из средне-азиатско-турецких языков смысловое (оказывающее влияние на изменение значения сочетания фонем) различение долгих и кратких гласных наблюдается в туркменском, уйгурском, киргизском языках и в огузских (южно-хорезмских) говорах узбекского языка.

Из других турецких языков долгие гласные обнаруживаются в якутском, карагасском, тану-тувинском и некоторых других (равно как факультативно и в турецком языке).

В тувинском языке, между прочим, наблюдается обратное соотношение между древними и современными долготами: древние долгие гласные превратились в краткие, а древние краткие гласные превратились в ряде случаев в долгие.

Долгие гласные эти, однако, оказываются различными по своему происхождению:

1. В туркменском, карагасском, тану-тувинском языках и огузских (южно-хорезмских) говорах узбекского языка долгие гласные являются пережитком древне-турецкого различения долгот.

2. В киргизском, уйгурском и ряде других языков эти долготы появляются на месте утраченного согласного, т. е. представляют из себя качественное изменение гласного, при количественном изменении состава слова (являются иллюстрацией диалектического закона перехода количества в качество).

Древне-турецкие долготы утрачены рядом турецких языков, в том числе многими языками, которые в принципе используют смысловое различие долгих и кратких гласных.

Так, если мы имеем в современном туркменском языке смысловое различие таких парных слов, как

var — иди и

*va:r*¹ — есть, имеется,

at — конь и

a:d — имя,

то в киргизском языке, где обнаруживаются долгие гласные (но иного происхождения), эти семантические пары оказываются гомонимами, утратившими долгий гласный:

var = „есть, имеется“ и „иди“,

at = „конь“, „имя“, „стреляй“, и т. п.

Но параллельно с этим в киргизском языке долгие гласные обнаруживаются там, где их нет в туркменском (ср. киргизское *too* и туркмен. *„taoʒ — гора“*, или наличие в киргизском языке краткого гласного в *var*, тогда как в туркм. там мы имеем долгий гласный).

Сопоставляя количественное соотношение гласных в турецких языках и дунганском, где в качестве одного из средств смыслового выражения используется музыкальное слогуударение, мы позволим себе высказать гипотезу о происхождении древне-турецких долгот из музыкального (тонального) ударения.

В бейпинском диалекте китайского языка различается четыре тона:

1-й тон — ровный,

2-й тон — восходящий,

3-й тон — нисходяще-восходящий,

4-й тон — нисходящий.

Таким образом,

*ma*¹, произнесенное ровным голосом, значит „мать“,

*ma*², произнесенное с подъемом голоса, значит „конопля“,

*ma*³, произнесенное с нисходяще-восходящим изломом голоса, значит „лошадь“,

¹ Двоеточием обозначаем долготу гласного.

*ma*⁴, произнесенное с понижением в голосе, значит „ругаться“. Причем с количественной стороны гласные 3-го тона оказываются в бейпинском диалекте более долгими, нежели гласные 1, 2 и 4-го тонов.

В современном дунганском языке обнаружено совпадение гласных первого (ровн.) и второго (восход.) северо-китайских (бейпинских) тонов в одном ровном, характеризуемом относительной длительностью (долготой) гласного: бейпинские *ma* (ровного тона) — „мать“ и *ma* (восходящего тона) — „конопля“ произносятся по-дунгански одинаково.

Таким образом, в современном дунганском языке имеется только три (вместо четырех бейпинских) тона; при чем, сокращение тонов (благодаря совпадению первого и второго бейпинских) идет за счет противопоставления относительной долготы гласных первого тона относительно кратким гласным второго (соответствующего третьему бейпинскому) и третьего (соответствующего четвертому бейпинскому) дунганских тонов.

В случае же совпадения трех тонов в двух (а это вполне уместно предположить, учитывая, что в наиболее древних, — максимально сохранивших пережиточные черты, — языках наблюдается музыкальное ударение, последовательно утрачиваемое языками, приобретшими ряд новых черт), естественно, что совпадение это повлекло за собой либо сопутствующую тональности утрату относительной долготы гласного (это мы и имеем в языках, где долгот нет), либо, с количественной стороны, совпадение могло идти двумя путями, приводящими к одной цели:

1. С гласными первого (ровного, долгого) тона совпали гласные второго (восходящего, краткого) тона, объединившись в группу долгих ровного тона гласных, противопоставляющихся гласным третьего (нисходящего) тона, характеризуемым относительной краткостью; при этом отпала (или была утрачена) необходимость в музыкальных вариациях, поскольку качественное противопоставление могло возмещаться количественным.

2. Совпали гласные второго (восходящего) и третьего (нисходящего) тонов, т. е. гласные, характеризуемые относительной краткостью. Поскольку эти гласные (2 и 3-го тонов) были противоположными по своей тональной характеристике, то, следовательно, при совпадении их утрачено было и принципиальное тональное различие, а это опять-таки привело к количественному противопоставлению этой группы гласных — гласным бывш. первого тона.

Таким образом могло создаться простое количественное различие долгих и кратких гласных, наблюдаемое на примерах древне-турецких долгот.

Перенося нашу гипотезу на общий процесс развития тонального и количественного фонеморазличения, можно наметить следующую схему эволюции этих категорий.

I-й этап — один из древнейших этапов, — политонизм (пережитки этого этапа обнаруживаются, например, в китайском языке).

II-й этап — сокращение количества тонов до 3-х (как в дунганском).

III-й этап — совпадение тонов, при замене их количественной характеристикой гласных (появление долгих и кратких гласных).

IV-й этап — утрата различия долгот, восходящих к музыкальному ударению; вместе с этим возможно возникновение заместительных долгот (вторичного происхождения).

Что же касается экспираторного (силового) ударения, то оно может (как это видим на примерах китайского и дунганского языков) существовать с тональным (музыкальным) ударением; однако часто экспираторное ударение, в связи с долготой гласного первой морфемы, в двусложных основах переносится на второй слог. Но вместе с этим основа 1-го тона в дунганском и 3-го тона в бейпинском диалекте (т. е. основы с долгими гласными) чаще сохраняют односложную форму. С этим положением, между прочим, может быть поставлено в связь то обстоятельство, что древне-турецкие долгие гласные сохранились лишь в односложных основах или в первых лишь слогах.

Обращаясь к долгим гласным, наличным в киргизском, уйгурском, якутском и, факультативно, в турецком языках, следует помнить, что это суть заместительные долготы, возникшие на базе утраты конечного согласного. Для иллюстрации этого (давно уже установленного) положения приведем два примера:

I-й на долгий узкий гласный (кирг. „*suu* — вода“) и II-й на долгий широкий гласный (кирг. „*too* — гора“). Так, в отношении происхождения кирг. *suu* следует отметить:

1. В орхонских надписях (VII — VIII вв. н. э.) имеем — *su* || *sup*.
2. В древне-уйгурском — *sup* и, очевидно, последующий вариант — *suu*.
3. В казахском и узбекском — *suu*.
4. В киргизском и туркменском — *su* = *suu*.
5. В турецком — *su*.

Путь эволюции долгого гласного здесь выражается в следующем виде:

1. Согласный *v* || *p* (орхонск.) ослабляется, переходя в *v*.
2. Конечный *v* (губно-губной) участвует в образовании нисходящего дифтонга, утрачивая свое значение самостоятельной фонемы (в уйгурск., казахск., узб. языках).
3. Второй элемент дифтонга утрачивается в киргизском языке, возмещаясь долготой первого элемента дифтонга.
4. Долгота гласного утрачивает свою фонематичность (*su* — в турецком).

Схематично этот путь можно представить так:

sv || *svp* → *svv* → *suu* → *su*.

Аналогичный процесс утраты конечного согласного обнаруживается, между прочим, на диалектологических вариантах монгольского „*ysyn* — молоко“.

В ойротском письменном — *ysyn*.

В монгольском письменном — *ysyn*, *syn*.

В байтском — *ysn* (со слогообразующим *n*).

В монгольском — *sun*.

В халхасском — *su*¹.

Или схематично:

ysyn → *syn* || *sun* → *su*.

Этот пример нами взят, между прочим, благодаря тому, что рассмотренный комплекс в семантическом отношении кажется нам близким турецкому „вода“, входя в пучок „вода — молоко“, равно как и киргизские „*suu* — вода“ и „*syт* — молоко“, где перебой древнего *v* (в *sv*) и *t* может быть поставлен в связь с перебоем *k* и *t* в пучке „*kyn* — день“ — „*tyн* — ночь“, предполагая, что комплексы *kyn* и *tyн* представляют из себя две фонетических разновидности, восходящих к некоему единому комплексу, употреблявшемуся в диффузном значении, при отсутствии сложившихся представлений о дне и ночи.

Происхождение долгого *oo* (= *o:*) в кирг. „*too* — гора“ может быть иллюстрировано при помощи следующих примеров, фигурирующих в схемах классификации турецких языков в качестве показателя закономерных соответствий фонем.

¹ Фактический материал почерпнут из работы Б. Я. Владимирова — Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, стр. 166.

Орхонскому *taq*, турецкому *daq* || *da:*, древне-уйгурскому *taq* соответствует казахское *tav*.

Благодаря явлению регрессивной ассимиляции, гласный *a* под влиянием губно-губного *v* обратился в губной, при утрате второго элемента дифтонга и при возмещении его долгой гласной *o*.

В схеме это выразится так:

taq → *tav* → *too*.

Появление заместительных долгот обнаруживается и в ряде диалектов современного уйгурского языка, а также в ташкентском говоре узбекского языка. Так, в живых говорах уйгурского языка долгий *a* появляется на почве утраты *r*: аффикс *lar* → (*la:*).

В ташкентском говоре узбекского языка долгота *i* (из дифтонга — *ij*) появляется на почве утраты задне-язычного *ŋ*, а долгота *a*, как и в уйгурских говорах, на почве утраты *r*: литературному — *kelinlar* соответствует в ташкентском говоре — *kelijla*.

Однако эти долготы отнюдь не фонематичны, а представляют из себя лишь комбинаторные акустические варианты.

Появление долгот в киргизском языке, однако, может объясняться утратой согласного лишь в тех случаях, когда долгий гласный оказывается в конце морфемы; появление долгих гласных внутри морфемы (напр., в паре „*mal* — скот“ и „*maal* — время“), отсутствовавших на предыдущих этапах развития турецких языков, должно объясняться иным путем, ибо сюда относятся основы нетурецкого происхождения, заимствованные турецкими языками и содержащие в себе фонемы, отсутствовавшие в киргизском языке в период заимствования. К числу подобных элементов может быть отнесено киргизское „*caal* — невежда“, оказывающееся парным к „*cal* — грива“, но восходящее к *cahyl* (арабск. происх.), где *h*, при заимствовании данного слова в кирг. язык, было опущено (в силу отсутствия этой фонемы в кирг. языке), а *ь*, под влиянием закона прогрессивной ассимиляции, равно как и при избежании зияния, обратилось в *a*.

Кроме того, происхождение долгих гласных возможно в отдельных случаях и благодаря стяжению фонетически сходных форм, как это мы имеем, например, в туркменском языке в случае превращения (еще в XVIII в.) конечного гласного основы *a* при сочетании с формой дательного падежа (на -*a*): (*vala:*) из „*vala* + *a* = ребенку“) и т. п.

§ 7. Классификация гласных киргизского языка.

Для практических целей гласные киргизского языка могут быть распределены по следующим группам:

	Г у б н ы е	Н е г у б н ы е
Твердые	о и оо ии	а ь аа
Мягкие	ө у өө уу	е і ее

Из них:

Широкие	а е о ө	аа ее оо өө
Узкие	ь і и у	— — ии уу

Деление на твердые ~ мягкие, губные ~ негубные имеет значение для установления типа последнего слога основы, в зависимости от которого возможно изменение гласных в последующих аффиксах.

Деление на широкие и узкие имеет значение для установления принципов изменений гласных в аффиксах (подробнее об этом см. в следующих параграфах). Следует, однако, не забывать, что, выделяя категории широких и узких, мы называем одну из групп „широкой“ исключительно условно, противопоставляя ее группе узких. Если же эти „широкие“ гласные уместить в трехчленной шкале (широкие, полуузкие, узкие), то они, за исключением *а*, окажутся „полуузкими“ (по способу образования).

КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ.

Под комбинаторными изменениями гласных мы будем разумеать все качественные (акустического порядка, в общем, не вносящего смысловых изменений) изменения гласных, происходящие в зависимости от соседства (комбинации) с другими звуками.

В числе комбинаторных изменений отметим следующие:

1. Явления созвучия (сингармонизма) гласных, в зависимости от соседства с другими гласными.

2. Количественные звуковые изменения основы при морфологических изменениях.

3. Качественное изменение гласных в зависимости от соседства с согласными.

§ 8. Явления сингармонизма (созвучия) гласных.

Явления сингармонизма суть случаи ассимиляции.

В числе явлений ассимиляции (уподобления) гласных выделяется два типа:

1. **Прогрессивная ассимиляция**, когда последующий звук уподобляется предыдущему (уподобление идет по линии от начала или середины к концу слова), например, в изменении аффикса *-lar*, в зависимости от качества предшествующего гласного:

atalar — отцы, *toolor* — горы,
eneler — матери, *tøøler* — верблюды, и т. п.

2. **Регрессивная ассимиляция**, когда последующий звук влияет на предыдущий (т. е. конец слова влияет на середину или начало). Каждое из этих изменений идет по двум линиям:

а) по линии уподобления по признаку твердости или мягкости основного гласного;

б) по линии уподобления по признаку губному или негубному гласному.

В отношении киргизского языка следует строго разграничить два вопроса: 1) вопрос о явлениях сингармонизма в основах и 2) вопрос о явлениях сингармонизма в аффиксах.

На предыдущих этапах развития киргизского языка наблюдалось явление созвучия (сингармонизма) гласных основы: уклад голосового аппарата при произношении первого слога основы сохранял свою устойчивость при произношении последующих слогов. Так, если в первом слоге был твердый гласный (задние по месту образования гласные), то и в последующих слогах употреблялись твердые (задние) гласные: „*vala* — ребенок“, „*ata* — отец“, или, наоборот, „*ene* — мать“, „*eki* — два“; кроме того, если в первом слоге был губной, то и в последующих слогах употреблялись губные гласные (или наоборот): „*tylky* — лисица“, „*very* — волк“. На современной стадии развития киргизского языка это свойство основ не является уже правилом: имеется множество „ломанных“ основ, в которых сочетаются гласные разных категорий („*masele* — вопрос“ и т. п.). Таким образом, киргизский язык давно уже покончил с этой обузой. Процесс разложения сингармонизма основ шел двумя путями:

1) В ходе универбации разнорядных, освоенных ранее основ (т. е. в ходе слияния их в одно понятие и слово), например, в ходе образования таких основ, как *qantip* — из *qan̄p etip*, или „*teraqa-*

председатель" — из *tər* и *aoja*, и т. п. (процесс развития внутренних противоречий).

2) Благодаря скрещиванию киргизского языка с языками, утрачившими явления сингармонизма основ. Сюда могут быть отнесены такие слова, как „*internatsional*—интернационал“, „*komitet*—комитет“, „*masele* — вопрос“ и др. Само собой разумеется, что и процессы универбации и интесификация скрещивания вызывались перестройкой форм мышления, в связи с изменениями экономической базы.

Буржуазные националисты использовали закон сингармонизма гласных в целях изоляции киргизского языка от языковых элементов пролетариата братских республик. Этот пресловутый „железный“ закон сингармонизма использовался в целях коверканья советских и интернациональных слов, превращая, например, „партия“ в „*partbja*“, „Фрунзе“ в „*Purunza*“, „машина“ в „*mašijne*“, „фабрика“ в „*ravrik*“, и т. п. Однако сама жизнь показала полную несостоятельность этого „железного“ закона, так как живая речь трудящихся Киргизии сломала все его мнимые устои.

Устои сингармонизма основ были подорваны самой жизнью давно еще в ходе исторического процесса развития как самого киргизского, так и других языков, в которых на ранних этапах их развития явления сингармонизма основ имели место. Здесь, помимо прямых результатов универбации и скрещивания, имели место случаи и косвенного их проявления, путем сокращения гласных, например, совпадение *o* и *ə*, *u* и *y*, *ь* и *i* в ряде говоров узбекского языка, совпадение *ь* и *i* в уйгурском языке или совпадение *ь* и *i* в монгольском языке еще в XIII веке.

Наконец, следует отметить, что в живой речи мы наблюдаем ослабление закона сингармонизма и в аффиксах третьих слогов: *vm. „voloqondo“* имеем „*voloqonda* — когда он был“, *vm. „yjleryvyzde“* имеем „*yjleryvyzde* — в наших домах“.

Явление уподобления гласных обнаруживается теперь в киргизском языке только на примерах сочетаний с основами лишь части аффиксов. При этом гласные аффиксов качественно уподобляются гласному лишь последнего слога основы. В этом отношении наблюдается два явления:

а) явление лингвально-сингармонистического чередования (изменение гласных по признаку твердости~мягкости), распространяющееся и на согласные, и

б) явление лабиально-сингармонистического чередования (огубление~неогубление гласных).

Для пояснения этого возьмем сочетание аффиксов *-lar* (мнж. числа) и *-нь* (винительн. падежа) с следующими основами:

<i>ata</i> — отец,	<i>çaqşь</i> — хороший,
<i>ene</i> — мать,	<i>kişi</i> — человек,
<i>too</i> — гора,	<i>tui</i> — знамя,
<i>tөө</i> — верблюд,	<i>tylky</i> — лисица, —

оканчивающимися на различные гласные:

<i>atarlar, çaqşьlar,</i>	<i>atanь, çaqşьнь,</i>
<i>eneler, kişiler,</i>	<i>eneni, kişini,</i>
<i>toolor, tuular,</i>	<i>toonu, tuunu,</i>
<i>tөөлөр, tylkylөр,</i>	<i>tөөny, tylkyny.</i>

Аффиксальный *a* изменяется следующим образом:

- после твердых *ь, a, и* сохраняет свое качество (*atarlar, çaqşьlar, tuular*),
- после мягких *e, i* смягчается и переходит в *e* (*eneler, kişiler*),
- после твердого губного *o* переходит в такой же *o* (*toolor*),
- после мягких губных *ө, у* также смягчается и огубляется, т. е. переходит в *ө* (*tөөлөр, tylkylөр*).

Иными словами, оставаясь широким гласным, *a* уподобляется последнему гласному основы по признаку твердости~мягкости и лабиализации~нелабиализации, изменяясь в пределах *a — e — o — ө*. Аффиксальный *ь* (узкий гласный), оставаясь узким, изменяется следующим образом в пределах *ь — i — u — y*:

- после твердых *a, ь* сохраняется (*atanь, çaqşьнь*),
- после мягких *e, i* смягчается, переходя в *i* (*eneni, kişini*),
- после губных твердых *o, и* огубляется, оставаясь твердым, т. е. переходит в *u* (*toonu, tuunu*),
- после мягких губных *ө, у* смягчается и огубляется, переходя в *y* (*tөөny, tylkyny*).

В киргизском языке следует по фонетическим особенностям выделить три группы аффиксов:

а) Аффиксы, подчиняющиеся законам сингармонизма в полной мере. Сюда относятся такие аффиксы, в которых возможно (в зависимости от комбинации с последним слогом основы) изменение гласных по признаку твердости~мягкости, огубленности~неогубленности. Таким образом, один аффикс может иметь четыре вариаций гласных (*a — e — o — ө* или *ь — i — u — y*.)

б) Аффиксы — *ии, уу, оо, өө* для образования инфинитива,

ли, — *луу* — для образования прилагательных и *оо*, *өө* — для образования собирательных числительных сохраняют во всех случаях губной гласный, изменяясь лишь в пределах твердости~мягкости:

çazııı — писать, *sıılııı* — водянистый,
kelyu — приходиться, *valalııı* — имеющий детей,
ekөө — двое, *ylgylyu* — образцовый,
altoo — шестеро, и т. п.

в) Аффиксы десингармонизованные, гласные которых не изменяются. В числе их нам известно 15 аффиксов:

- *ke*, - *kej*, - *ek*, - *eke*, - *taj* (ласкательные),
- *sıra*, - *sıtal*, - *calıç*, - *serej* (аф. подобия),
- *mat*, - *kes*, - *qor*, - *ger*, - *ker* (агентивные),
- *ij* (для прилагательных, преимущественно в окостеневших образованиях).

Несколько примеров:

atake — папочка, *kişisıtal* — человекоподобный,
qojonek — зайчик, *ilmij* — научный.
soodager — торговец,

Изменение аффиксов первого и второго типа можно представить в следующей таблице:

Гласный последнего слога основы	Аффиксальные гласные			
	В аффиксах 1-го типа		В аффиксах 2-го типа	
<i>а, ь</i>	<i>а</i>	<i>ь</i>	<i>оо</i>	<i>иı</i>
<i>е, і</i>	<i>е</i>	<i>і</i>	<i>өө</i>	<i>уу</i>
<i>о</i>	<i>о</i>	<i>и</i>	<i>оо</i>	<i>иı</i>
<i>и</i>	<i>а</i>	<i>и</i>	<i>оо</i>	<i>иı</i>
<i>ө, у</i>	<i>ө</i>	<i>у</i>	<i>өө</i>	<i>уу</i>

Рассматривая аффиксы 1-го типа, нетрудно заключить, что в их различных вариациях имеется не четыре различных фонемы, а наоборот только одна: либо широкая, либо узкая фонема. Четыре же вариации *а—е—о—ө* или *ь—і—и—у* являются лишь комбинаторными вариантами этих двух „минимальных фонем“. Исторически, очевидно, дифференцированные фонемы употреблялись только

в первых слогах, а в последующих были такие звуки, которые, сохраняя уклад голосового аппарата первого слога, принципиально различались только шириной или узостью раствора рта и приобретали оттенки огубленности~неогубленности и твердости~мягкости, в зависимости от влияния фонем первого (а теперь предшествующего аффиксу) слога основы. Так, вообще, все явления сингармонизма основываются на стремлении сохранить начальный уклад голосовых органов.

Процесс изменений явления созвучия гласных в аффиксах протекал, очевидно, в такой последовательности:

1. Один из древнейших (но не изначальных!) этапов — полное уподобление наslaиваемого гласного по типу якутских изменений:

$Kel + di = kelle^1$ — он пришел.

2. Появление представления „минимальной“ фонемы: широкой или узкой. Изменения уже возможны только в пределах $a - e - o - \theta$ или $\text{ь} - i - u - y$.

Сначала это явление ограничения полного уподобления обнаруживается в закрытых слогах (ср. якутское $kel + di = kelle$, но $kel + di + m = keldim$ — я пришел);

впоследствии это явление распространяется на любой тип слога, как это имеет место в киргизском языке (изменение — $lar - ler - lor - \text{л} \text{or}$ или $ny - ni - nu - ny$).

3. Утрата явлений лабиализации широких (a, e), но сохранение явления лабиализации узких гласных (например, в турецком, тюркском языках:

$ol + an = olan$ — сущий (причастие от глагола „будь“),

$ol + \text{d} \text{ь} = oldu$ — он был.

4. Утрата явлений лабиализации сначала в открытых слогах, например, в средне-хорезмских говорах узбекского языка имеем $turd\text{ь}$, но $turdum$; впоследствии это явление распространяется на любой тип слогов: ср. казахское $turd\text{ь}$, $turd\text{ь}m$.

5. Утрата явлений смягчения гласных. Напр., в ташкентском говоре узбекского языка, в аффиксах употребляются либо только э , либо i (ь и i не различаются). Одновременно с этим язык пополняется и десингармонизованными аффиксами, заимствуемыми из других языков или создающимися в процессе грамматикализации служебных слов, напр., процесс этот может быть вскрыт в выражении „ $varveken$ “ из „ $var + \text{в} + eken$ “ = было ли“?

¹ См. у W. Radloff'a. „Die jakutische sprache in ihrem Vehrältnisse ruden Türk-sprachen“ (Спб.) 1908 г.

Явление регрессивной ассимиляции гласных обнаруживается в киргизском языке лишь в отдельных частных случаях и совершенно не может быть сравниваемо с подобным явлением в современном уйгурском языке или в ойчинском говоре узбекского языка.

В современном уйгурском языке в произношении наблюдаются случаи перехода конечного *a* в *i* в соседних (с наслаиваемым) слогах основы и переход *a* в *э* в случаях, когда после *a* идет согласный.

Например: „*sala + lar + i = səliliri* — его дети“; „*at + i = əti* — его конь“.

Наряду с этим имеются и случаи огубления: „*xatun → xotun* — женщина“.

В киргизском же языке подобных явлений мы не наблюдаем, за исключением таких отдельных случаев, как произношение слова *ekəə* (двое) в виде *əkəə* (из *eki + oo*), или превращение *vi + kyp* в *vugyp* (сегодня), *vi + çyl* в *vəjyl* (этот год), *vi + daj = vundaj → tьndaj* (так, такой).

§ 9. Комбинаторные количественные изменения основы.

В числе изменений этого типа отметим следующие:

1. Выпадение узких гласных (*ь — i — u — y*) при сочетании основ с аффиксами, начинающимися на гласный, при условии, что основа состоит из двух слогов и второй слог закрытый, т. е. в словах, определяемых формулой $(C)V CiC$, где *C* — согласный, *V* — гласный, *i* — узкий гласный; скобки указывают на то, что данный согласный может и не быть.

ajyl + ь = ajly — его аул,

kijim + i = kijmi — его одежда.

В орфографии допускается два варианта написания:

ajly и *ajlyь*, *kijmi* и *kijmiь*, и т. п.

Когда последний слог основы начинается на *r* и оканчивается на *n*, т. е. в словах по формуле $(C)V rin$, это конечное *n* переходит в *d*:

erin + i = erdi — его губы,

mirun + u = murdu — его нос,

qarьn + ь = qarды — его желудок, и т. п.

2. Усечение конечного узкого гласного основы наблюдается при сочетании с аффиксом-*qь-ki*:

eti — теперь,

etki — теперешний,

çoqoqi — верх,

çoqoqqi — верхний, и т. п.

Примечание. Усечение конечного гласного обнаруживалось в качестве консервативного явления также в некоторых недавно заимствованных основах:

лампа — *lamp*, минута — *minut*,
квартира — *kvartir*, секунда — *sekund*,

и в некоторых других; однако, эти слова осваиваются уже с русскими окончаниями.

3. Утрата конечного гласного основы при сочетании с аффиксальным гласным:

eki + *oo* = *ekөө* — двое,
altь + *oo* = *altoo* — шестеро,
oqi + *ии* = *oqии* (а не *oqiии*) — читать.

4. Стяжение гласных (не отражаемое в письме) в тех случаях, когда в предложении сочетаются слова, из коих одно оканчивается, а другое начинается на гласный. При этом неустойчивым оказывается конечный (а не начальный!) гласный:

- а) краткий гласный утрачивается:
çaqşь at произн. *çaqşat* (хороший конь),
vala ьjladь произн. *vabjladь* (дитя плакало), и т. п.;
- б) долгий гласный превращается в краткий:
suu aqtь произн. *su aqtь* (вода текла),
tөө aldь произн. *tө aldь* (купил верблюда), и т. п.

5. Введение гласного в заимствованных основах с целью уподобления заимствования своим стандартным типам слогов и слогосочетаний отходит уже в область истории: „недопустимых“ звукосочетаний для современного киргизского языка становится все меньше и меньше. Если раньше сочетания *tr* или *st* были недопустимы в начале основы, и „трактор“, как и „станция“, обращались в *tyraqtyr*, *ьstansa* и т. п., то на современной стадии развития литературного кирг. языка в общей массе уже имеем *traktor*, *stantsija* и т. п. Введение же в отдельных случаях узкого гласного в живой речи может рассматриваться как своеобразный архаизм, тянущий вспять развитие языка. Буржуазные националисты, всеми мерами стремившиеся задержать киргизский язык на уровне дореволюционного развития, принимавшие все меры к тому, чтобы не допустить в киргизский язык новых типов звукосочетаний, порожденных Великой Октябрьской революцией, выдвигали устаревший закон „недопустимости“ сочетаний нескольких согласных, благодаря чему „Омск — *Omsk*“ обращали в основном падеже в *Omski*, „трактор“

в *тырақтыр*, или, не допуская в киргизском языке появления новых типов слогов, отсекали конечный гласный в таких словах, как „лампа“, „квартира“ и т. п. В живой речи эти преграды были сломлены, а в орфографии 1930—1937 гг. эти прогрессивные сдвиги (допускающие в киргизском языке сочетание нескольких согласных) вредительски не отражались.

Орфография 1938 г. открывает доступ новым типам слогов в литературном языке, и, таким образом, снимается теперь вопрос об изменении основ путем усечения или, наоборот, введения гласных.

§ 10. Изменение гласных в зависимости от соседства с согласными.

Из числа этих явлений здесь мы отметим только три:

1. В отдельных случаях, когда *a* сочетается с последующим *k*, в живой речи *a* смягчается:

akitaş (известь) произн. *əkitaş*¹,

aktiv (актив) произн. *əktiv*, и т. п.

Однако *a* в сочетании с *k* (т. е. в *-ka*) остается без изменений.

2. В сочетании с предшествующим *l* в устах лиц, не различающих твердое и мягкое *l*, *a* превращается в *ə*:

vala (дитя) звучит как *valə*, и т. п.

3. Гласные становятся неопределенными, неясными, редуцированными или иррациональными в том случае, когда узкий гласный оказывается между двумя глухими согласными, из коих первый смычный², а второй проточный: *tuş* (слазь) произносится *tʃ* (с неясным, часто утрачивающимся гласным), *tʃqʷ* (внешний) произносится *tʃqʷ*, и т. п.

§ 11. Ударение.

В отличие от ударения в русском языке, имеющего функцию словоразличительную (ср. замо́к и замо́к), в киргизском языке ударение имеет словоразделительную функцию, позволяющую лицам, даже не знающим киргизского языка, ясно выделить конец каждого слова фразы.

¹ Знаком *ə* будем обозначать среднеязычный (по месту образования) *a*, близкий к русскому *a* (= *я*) в слове Кяхта.

² Смычные согласные образуются путем смычки голосовых органов. Таковы, например—*в, р, d, t, g, k, q, q* и т. п. Проточные произносятся лишь при сближении голосовых органов, например: *f, v, ʃ, s, z* и т. п.

Ударение в киргизском языке падает на последний слог:

çól — путь,

çoldóş — товарищ, спутник,

çoldoştór — товарищи,

çoldoşúm — мои товарищи,

çoldoştorumdá — у моих товарищей.

Во многосложных основах слышится, однако, два ударения: слабое в первом слоге и более отчетливое в последнем. Напр., „*ýjlerdeğý* — находящиеся в домах“.

Не принимают ударения в киргизском языке:

а) приставки спряжения: напр., в сочетаниях *çazátъп*, *qbrojъz-сьп* и т. п.;

б) вопросительная частица - *въ*:

Al keldiъi? — Пришел ли он?

Çazdъňвъ? — Написал ли ты? И т. п.;

в) восклицание - *оо*:

Al keldi - *оо!* — Он, ведь, пришел! И т. п.

§ 12. Из истории и соотношения гласных в киргизском и некоторых других языках.

I. Сопоставляя словарный состав киргизского языка со словарным составом тех языков, с которыми киргизский язык имел связи, можно выделить ряд словарных пластов (часто, — весьма незначительных в количественном отношении), общих киргизскому и одному или нескольким другим языкам.

В хронологической последовательности пока можно наметить такие общие пласты.

1. Пласт слов, прослеживаемых в общей массе турецких языков, отличающихся лишь фонетическими разновидностями. Этот пласт сложился в относительно отдаленный период (до VI века, т. е. до появления орхонских надписей). Сложился этот пласт в процессе интенсивного скрещивания разноязычных племенных образований. Пласт этот условимся называть „общетурецким“. В составе его имеются преимущественно слова, обслуживающие тематику кочевого быта. Таковы:

at — конь, лошадь,

voz yj — юрта,

сьоqъş — восход,

kel — приходи,

al — бери,

at — стреляй, и др.

2. Один из древних пластов. Это ряд слов, общих монгольскому и одновременно ряду турецких языков. Условимся называть его монголо-турецким лексическим пластом, создавшимся в процессе экономических связей турецко-язычных и монгольско-язычных коллективов.

Таковы, например, слова: „*erten* — завтра“, „*el* — народ“, и т. д.

3. Пласт слов арабского и иранского происхождения, вошедший в киргизский язык, очевидно, уже после прихода киргизов на Тянь-Шань и при посредстве чагатайского и татарского языков. Эти словарные элементы, в соответствии с фонетическими особенностями киргизского языка того периода, подверглись в киргизском языке значительным фонетическим (а иногда и смысловым) изменениям.

Таковы, например, слова:

kitep — книга (арабск. *kitab*),

depter — тетрадь (арабск. *daftar*),

ilim — наука (арабск. *ilm*),

şaar — город (иранск. *şahar*), и т. п.

4. Пласт слов, вошедших в киргизский язык из русского в колонизационный период и подвергавшихся сильным фонетическим изменениям, применительно к таким типам фонемосочетаний, которые были присущи киргизскому языку в тот период. Пласт этот условимся называть дооктябрьским русско-киргизским пластом. Сюда могут быть отнесены такие слова, как:

samoor — самовар,

aşmyşke — осьмушка,

ystel — стол,

qartęşke — картошка, и некоторые другие.

Сами эти слова в живой речи также последовательно изменяются теперь, перестраиваясь применительно к русскому произношению; *ystel* уже в ряде случаев перестраивается в *stol*, и т. п.

Таким образом, деление вошедших из русского языка слов на „новые“ и „укоренившиеся“ не имеет под собой никакой почвы: все они в фонетическом отношении перестраиваются в той или иной мере.

5. Пласт слов, вошедших и создавшихся в процессе скрещивания киргизского языка с русским после Октябрьской революции. На первых этапах скрещивания многие слова подвергались фонетическим изменениям, но вслед за изменением количественного состава словарного запаса киргизского языка шло и изменение фонетической системы киргизского языка.

Благодаря этому те фонетические законы, которые действовали в первые годы после Октябрьской революции, в ряде случаев утратили уже свое значение. Благодаря этому одни и те же слова в первые годы после Октябрьской революции и сейчас звучат различно. Сравним, например, видоизменение произношения слова „колхоз“: *qalqos — qalqoz — qalxoz — qolxoz — kolxoz*. Весь этот пласт слов условимся называть послеоктябрьским пластом, выделяя в нем две разновидности:

а) двадцатых годов (этого столетия), — с консервативной фонетической системой, успевшей, однако, сразу же, после победы социализма, резко перестроиться и обогатиться новыми типами звуко-сочетаний;

б) тридцатых годов — с нормами русской графической передачи новых слов (произношение максимально приближается к русскому написанию советских и интернациональных слов (ср. современные *nternatsional, aviatsija* и т. п.).

Таковы главные типы лексических пластов в киргизском языке. Помимо этих пяти типов имеются, разумеется, и другие элементы (китайские, палеоазиатские и т. п.), но в данном параграфе мы не останавливаемся на их характеристике.

Не следует думать, что современный лексический запас киргизского языка есть продукт механического наслоения различных типов пластов. Пласты эти оказывали влияние друг на друга. Одни из элементов в окостеневшем виде дошли до нас, другие подвергались значительным изменениям. Вместе с этим стыки киргизского языка с другими языками происходили в различные исторические эпохи, поэтому в лексике, например, монголо-турецкой, возможны сочетания различных фонетических особенностей.

Наконец, следует помнить, что состав современной киргизской лексики, помимо сочетания отдельных пластов, сформировался и благодаря влиянию на них некоей ведущей системы, которая, впитав в себя иноязычные элементы, создала те специфические черты, которые отличают киргизский язык от других (казахского, узбекского и т. д.) языков.

Фонетические изменения шли двумя путями, как и развитие языка в целом: путем развития внутренних противоречий ведущей системы и путем усвоения иноязычных элементов, которые, в свою очередь, оказывали влияние на развитие внутренних противоречий.

Остановимся теперь на беглой характеристике соотношения не-

которых отдельных гласных киргизского и других языков в различных пластах¹.

1. В лексике монголо-турецкого пласта можно отметить такие современные соответствия²:

а) Турецкое *a* первых слогов соответствует монгольскому *i*³ в ударном слоге:

кирг. *sarь* (желтый) = монг. *sira*,

кирг. *qar* (снег) = монг. *qirmaq* — мелк. снег (ивей).

б) Обще-турецкое *ь* в первых слогах соответствует монгольск. *a*:

кирг. *altьn* ← др. турецкое и карлукское *altun* (золото) = монг. *altan*,

кирг. *qatьq* (жесткий) = монг. *qataqu*, и т. п.

в) Губные первых слогов в ряде случаев совпадают:

кирг. *ordu* — ставка, лагерь = монг. *ordu*,

кирг. *tert* — четыре = монг. *dorsen*,

кирг. *tyr* — вид = уйг. *tuz* = монг. *dyri*.

Во вторых слогах киргизским губным могут не соответствовать губные в монгольском, так как закон уподобления там не действует:

кирг. *tyтen* — множество, десять тысяч = монг. *tymen*.

г) Кирг. *e* в первых слогах в монгольском, обычно, соответствует *e*, реже *i*:

кирг. *vel* — поясница = монг. *vel*,

кирг. *el* — народ = монг. *el* (в слове *elcin* — посол, гонец народа).

2. В обще-турецком пласте, по примерам современной стадии, можно дать такие соответствия:

а) Киргизскому *e* в закрытых слогах в татарском языке в ряде слов (но не во всех!) соответствует *i*, а киргизскому *i* — татарское *e*:

кирг. *kim* — кто = тат. *ket*,

кирг. *vel* — поясница = тат. *vil*.

б) Киргизскому *e* в языках, где имеется различие *a* и *э*, может соответствовать в одних случаях *e*, в других — *э* (преимущественно в словах арабского и персидского происхождения):

¹ Мы ограничиваемся здесь отдельными беглыми замечаниями, так как подробно этот вопрос освещается нами в отдельной работе — „Фонологическая система киргизского языка“, подготавливаемой к печати.

² Почерпнуто из работы Владимирцова и Поппе — „Из области вокализма монголо-турецкого праязыка“. Доклады Акад. Наук. 1924 г. В. Апрель — июнь.

³ В монгольском *i* и *ь* не различаются; монгольское *i* качественно отличается от киргизского, соответствуя в наших примерах киргизскому *ь*.

кирг. *mekter* — школа = узб. (в сингармонистических говорах) *maktab*, но

кирг. *kel* — приходи = узб. *kel*, и т. п.

в) Киргизскому *a* в ряде турецких языков, где есть различие *a* и *ə*, соответствуют *a* и *ə* (повторяю, не во всех, однако, словах, ибо соотношение соответствий менялось в зависимости от даты вхождения новых лексических элементов в кирг. язык):

кирг. *şaar* — город = узб. (в сингармонистических диалектах) *şəhər*,

кирг. *ajal* — женщина = казахск. *ajel*.

г) Киргизским долгим широким гласным *oo* соответствует в казахском дифтонг *ou*, а в узбекском, уйгурском, туркменском — *ao*:

кирг. *too* — гора = каз. *tav* = узб. *tao* = туркм. *dao*.

Долгому *uu* в казахском и узбекском, в общем, соответствуют дифтонги:

кирг. *suu* — вода = каз., узб. *suu*.

Киргизскому *yy* может соответствовать в ряде случаев узбекск. и уйгурск. — *ig*:

кирг. *elyy* — пятьдесят = узб. *ellig*.

д) Подмена гласных в различных языках идет в соответствии с количественным составом гласных. Дадим перечень кратких гласных некоторых турецких языков:

Я з ы к	Г л а с н ы е
1. Киргизский	<i>a e o ə i ʔ y</i>
2. Узбекский, ташкентский говор	<i>ə e ɔ o i u</i>
3. Узбекский, катаганский говор	<i>a ə e ɔ o ʊ ʔ i u y</i>
4. Уйгурский	<i>a ə e o ʊ i u y</i>
5. Казахский	<i>a ə e o ʊ ʔ i u y</i>
6. Каракалпакский	<i>a ə e o ʊ ʔ i u y</i>
7. Туркменский	<i>a ə e o ʊ ʔ i u y</i>

Примечание 1. Знаком *ɔ* обозначаем максимально открытый *o* (широкий), в отличие от полуузких *o*.

Примечание 2. Знаком *ɛ* обозначаем максимально открытый *e*, типа русского *э*.

Примечание 3. В таблицу не включен перечень долгих гласных киргизского и туркменского языков, а также не отражены восходящие дифтонги

ie, ue, vo казахского и каракалпакского языков, как и нисходящие дифтонги иu, yv, наличные во всех перечисленных языках, кроме киргизского.

Примечание. 4. При установлении соответствий следует принять во внимание их частоту в первых слогах. В последующих слогах в языках, где огубление в основах утрачено в большей мере, чем в киргизском, киргизскому губному гласному может соответствовать негубной: кирг. „*tylky*—лисица“ = каз., узб. *tylki*. Соответствие остается лишь в пределах различения широких (a—e—o—ө) или узких (b—i—u—y): если был узкий, то и остается узкий гласный, но качество его может изменяться.

3. Из фонетических соответствий гласных в киргизском и русском языках в послеоктябрьском пласте выделим соответствия периода двадцатых годов, отошедшие уже в область прошлого:

а) Русскому безударному *o* соответствовал кирг. *a*:

колхоз = *qalqoz, qalqos,*

союз = *sajuz, sajus.*

б) Окончанию фамилий *-ов* (с ударением на предшествовавшем слог) соответствовало окончание *-ур*:

Манилов = *Manilur.*

в) Русские йотированные *я, е, ё, ю* в начале слова передавались через *ç* и последующий гласный:

Ялта = *Çalta,*

Егор = *Çegor,*

Юрий = *Çyri(j),* и т. п.

г) Заимствуемые элементы подвергались изменениям применительно к особенностям первого (а не последнего!) слога основы, по признаку твердости~мягкости: „Комитет“ превращался в „*qom̄-ta*“, и т. п. Кроме того, перестраивались и типы слогов, путем введения гласных между начальным глухим смычным и последующим плавным согласным:

трактор = *traqt̄tr,* и т. п.

В тех случаях, когда в начале слова сочетались проточный со смычным согласным, представлялся *ʋ*, *i*:

стакан = *ʋstaqan,*

станция = *ʋstansa,* и т. п.

Надо заметить, что этим изменениям заимствуемые элементы подчинялись в конце двадцатых и начале тридцатых годов (XX в.) в письменной передаче. В живой же речи процесс перестройки типов слогов шел быстрее, и в части ломки сингармонизма основ начался уже давно, но его не желали учитывать буржуазные националисты, пробравшиеся тогда к руководству ра-

ботой по киргизскому языку и старавшиеся задержать процесс развития киргизского языка на дореволюционном уровне. Однако бурный рост киргизского литературного языка вслед за сдвигами в живой речи трудящихся киргизов опрокинул отжившие, искусственные нормы, которые националисты пытались навязать киргизскому языку.

В тридцатых годах (XX в.) мы уже обнаруживаем иные нормы соответствий гласных в русском и киргизском языках, что видно, например, из свода правил графической передачи русских гласных букв и из свода орфографических правил 1938 г. (см. также § 16 „Киргизский алфавит“).

II. Графическая передача русских гласных букв по киргизски предстает в следующем виде:

1. *a* во всех позициях передается через *a*:
анкета = *anketa*.
2. *e* в начале слова, после гласных и после разделительных (*ʼ, ʼʼ*) знаков передается через *je*:
Европа = *Jevropa*,
с'езд = *sjezd*.
После согласных *e* передается через *e*:
комитет = *komitet*.
3. *ě* во всех случаях передается через *jo*:
Елкин = *Jolkin*,
слёт = *sljot*.
4. *э* во всех случаях передается через *e*:
экипаж = *ekipaz*.
5. *o* передается через *o*:
совет = *sovet*.
6. *ы* передается через *ʼ*:
рыцарь = *rʼtsar*.
7. *и* передается через *i*:
Максим = *Maksim*.
8. *у* передается через *u*:
институт = *institut*.
9. *ю* во всех случаях передается через *ju*:
Юрий = *Jurij*,
бюро = *vjuro*.
10. *я* во всех случаях передается через *ja*:
январь = *janvar*,
октябрь = *oktjavar*.

КОНСОНАНТИЗМ.

§ 13. Состав согласных современного киргизского языка.

В составе согласных современного киргизского языка можно выделить по месту образования пять категорий: 1) губные, 2) переднеязычные, 3) среднеязычные, 4) заднеязычные, 5) гортанный.

I. Губные — *в, р, т*, в общем, соответствуют русским *б, п, м*, отличаясь лишь более активной работой губ. Но *ф* и *в*, в отличие от русских *ф* и *в*, в киргизском языке губно-губные, произносимые путем сближения и вытягивания губ, тогда как в русском языке эти звуки губно-зубные, произносимые путем сближения нижней губы и верхних зубов. Самостоятельные фонемы *ф* и *в* появились в киргизском языке относительно недавно. До этого фонема *ф* заменялась фонемой *р* (Фрунзе — *Purunza*), а самостоятельная фонема *в* заменялась киргизской *в* (вокзал — *vaqzal*); однако звук *в* существовал в подавляющей массе ведущих говоров киргизского языка, выступая лишь на правах разновидности фонемы *в*: *таоа вер* произн. *таа вер* (дай мне), *вагавьз* произн. в ряде диалектов — *вагавьс* (пойдем) и т. п.

С другой стороны, озвончение *р* (*kiter*, но *kitesi*) и подмена *ф* (в таких, например, устаревших выражениях, как *верте* (из *ferme* → *perme* — ферма), может рассматриваться как пережиток фонематического единства *в* и *р*. Таким образом возникает гипотеза о том, что в отдаленную эпоху развития киргизского языка *р* — *в* — *в* были не самостоятельными фонемами, а лишь различными ступенями озвончения одной и той же фонемы.

II. Переднеязычные — *с, ç, d, t, l, n, r, z, s, ş, з* могут быть условно представлены русскими знаками следующим образом:

<i>с</i> = <i>ч</i>	<i>l</i> = <i>л</i>	<i>s</i> = <i>с</i>
<i>ç</i> = <i>дж</i>	<i>n</i> = <i>н</i>	<i>ş</i> = <i>ш</i>
<i>d</i> = <i>д</i>	<i>r</i> = <i>р</i>	<i>з</i> = <i>ж</i>
<i>t</i> = <i>т</i>	<i>z</i> = <i>з</i>	

Однако, в отличие от русских, *с, d, t, s, ş, з* произносятся в большей мере спинкой языка, благодаря чему русским ухом улавли-

ваются более мягкими (в русском произношении больше подымается кончик языка). Из числа акустических разновидностей следует отметить особенность произношения *s* и *z* в некоторых северных диалектах Иссык-Кульского бассейна: *s* и *z* оказываются там не зубными, а межзубными (интердентальными), типа английского *th*.

ʃ — отсутствует в русском языке; *l* — имеет в одних говорах одно лишь произношение, среднее между *л* и *ль* (*vala* звучит скорее как „баля“), тогда как в других говорах произношение *l* меняется в зависимости от соседства с гласными:

el = эль — народ, *al* = ал — он.

Таким образом там имеется два акустических варианта *l* (твердый и мягкий).

III. Среднеязычные:

j — соответствует русскому *й*;

k — соответствует русскому *кь*, как в слове „Киев“;

g — соответствует русскому *зь*, как в слове „гиря“.

IV. Заднеязычные — *q* (твердое *k*), *q̣* (твердое, гортанное *g*), *x* (взрывное *x*) и *ɣ* отсутствуют в русском языке.

Q — произносится сближением корня языка с мягким небом; *q̣* — представляет из себя звонкую разновидность *q*; *x* — произносится, в отличие от русского *x*, путем предварительного сближения корня языка с маленьким язычком; получается сложный звук типа ^q*x*. Фонема эта появилась в киргизском языке относительно недавно и часто еще возмещается фонемой *q*.

N, в отличие от *n*, произносится не кончиком языка, а корнем его и является заднеязычной разновидностью *n*. В редких случаях, оказываясь между гласными, *ɳ* приобретает призвук *g*: *keliɳiz* — произн. *keliŋiz* (приходите). Это явление, однако, не свойственно, как правило, киргизскому языку.

V. Гортанное *h*, отсутствующее в русском языке, соответствует украинскому проточному *ɦ* или немецкому *h*. Фонема эта употребляется в лит. киргизском языке только в нескольких междометиях. Поэтому в самостоятельном буквенном обозначении не нуждается. Буква *h* в орфографии 1938 г. изымается, вполне правильно, из киргизского алфавита.

Примечание. Каждый из перечисленных согласных, кроме *k*, *g*, *q*, *q̣*, имеет двойное произношение: твердое и мягкое, в зависимости от соседства с гласными твердыми (*a — o — ʊ — u*) или мягкими (*e — ɵ — i — y*). Однако, эти разновидности произношения графически не отражаются никак. Так,

t имеет различные произношение в словах *sat* (сат) — (продай) и *syt* (сють) — (молоко);

l — имеет два варианта в словах:

qaldy — калды (оставил),

keldi — кельди (приходил) и т. п.

Наоборот, для обозначения мягкого варианта *z* или *k* употребляется постоянный знак *g* или *k*, а для твердого — *q* или *q*.

По работе голосовых связок (создающей „глухость“ или „звонкость“) согласные киргизского языка могут быть распределены по двум соответственным рубрикам:

Глухие	<i>p c t k q s ŝ f x j l m n ŋ r</i>
Звонкие	<i>b ç d g q z z v — — — — — — —</i>

Из них *j, l, m, n, ŋ, r, x* не имеют парных глухих вариантов, а остальные будут парными (звонкие имеют соответствующий парный глухой). Следует не забывать, что звук может предстать в двух вариантах (твердом или мягком) в зависимости от подачи до известных пределов¹ языка назад (— твердые) или вперед (— мягкие). В киргизском языке не все звуки могут иметь такие твердые или мягкие вариации; некоторые звуки имеют устойчивое произношение.

Таковы: твердые — *q, q*;

парные мягкие — *k, g*;

а остальные звуки могут иметь варианты: несколько твердый и несколько мягкий.

По направлению потока воздуха через нос можно выделить носовые согласные: *m, n, ŋ*.

Наконец, по способу образования согласные звуки киргизского языка могут быть распределены по следующим категориям:

1) взрывные, затворные или смычные: *p, b, t, d, n, k, g, ŋ, q, q*;

2) фрикативные, проточные, спиранты (дыхательные) или придумные: *f, v, s, ŝ, z, x, j*;

3) дрожащие: *r*;

¹ При выходе языка за особые для каждого звука пределы, создается уже другой звук; так, произнося *k* и подавая вперед язык, после известного предела уже получим звук *t*, и т. п.

- 4) боковые или латеральные: *l*;
 5) аффрикаты, или сложные согласные: *c, ç*.

* *
 *

Помимо перечисленных согласных киргизского языка следует отметить в киргизском языке наличие реликтового, диффузного бокового звука *t*, произносимого со вдохом (выражает отрицание).

* *
 *

Остановимся теперь на артикуляционном соотношении некоторых согласных киргизского, русского и тюркского языков, поскольку в них выявляются некоторые отличия.

1. Прежде всего, обращает на себя внимание в киргизском языке дорсальный характер¹ таких звуков, как *c, ç, z*, тогда как в русском произношении они апикальны, а потому звучат тверже.

2. В тех случаях, когда *l* в отдельных диалектах не имеет твердого и мягкого вариантов, по артикуляции оно занимает положение среднее между твердым и мягким.

3. Картина соотношения *q, k, c (= ç)* в киргизском, русском и тюркском языках по месту образования может быть представлена в следующем виде:

Я з ы к.

Вперед Назад

Киргизское произношение	<i>C</i>	<i>K</i>	<i>K₂</i>	<i>q</i>
Русское произношение	<i>ч</i>	<i>Кь</i>	<i>Къ</i>	
Тюркское произношение	<i>C</i>	<i>K</i>		<i>q</i>
По месту	Передние	Средние		Задние

¹ *Dorsis* — спинка языка. Дорсальные, в отличие от апикальных, произносятся при помощи самого кончика языка, произносятся путем упора кончика языка в нижние альвеолы или зубы, благодаря чему поверхность языка становится выпуклой, а спинка языка упирается в верхние альвеолы или начало переднего участка нёба.

Условные знаки:

С — киргизское и тюркское *с* (= *ч*);

ч — русское *ч*;

Кь — русское мягкое *к*, как в слове „Киев“;

Къ — русское твердое *к*, как в слове „калач“;

К — мягкое киргизское и тюркское *к*;

q — заднеязычное киргизское и тюркское *q*;

К₂ — киргизское *к* перед твердым гласным, напр., в слове *Kolhoz*.

Сравнивая место образования *К*, отметим, что киргизское *К* и русское *Кь* совпадают по месту образования; киргизское *К₂* оказывается более задним, нежели русское *Къ*, но все же остается среднеязычным, если язык разбить на три равных участка.

Тюркское *К* по месту образования почти совпадает с русским *ч*, оказываясь уже переднеязычным.

Тюркское *q* оказывается более глубоко-заднеязычным, нежели киргизское *q*.

Наконец, киргизское *С* более переднее, нежели русское *ч*, а тюркское *С* (= *ч*) еще более переднее, нежели киргизское.

Примечание. Подача языка назад создаст твердость, а подача вперед — мягкость звука.

Таким образом в киргизском языке мы обнаруживаем тяготение *к* и *q* к сближению. Исторически, очевидно, это были различные лишь комбинаторные варианты одной фонемы.

§ 14. Из истории и соотношения согласных в киргизском и некоторых других языках.

1. Рассматривая состав согласных киргизского языка до Октябрьской революции, можно в отношении отдельных согласных наметить такое соотношение в историческом процессе.

До Октябрьской революции и в первые годы после нее	После Октябрьской революции (на 1938 г.)
<p>1. <i>ρ</i> в начале слова не употребляется, а возмещается <i>в</i> (вм. <i>paɣda</i> — <i>vajda</i>)</p> <p>2. Не различались <i>в</i> и <i>ʋ</i> (февраль — <i>ρʋjʋral</i>)</p>	<p>1. Появился <i>ρ</i> в начале новых слов (<i>partija</i>)</p> <p>2. Различаются самостоятельные фонемы <i>в</i> и <i>ʋ</i> в новых словах (февраль — <i>fevral</i>)</p>

До Октябрьской революции
и в первые годы после нее

3. На давних этапах развития ряда диалектов не различались *s* и *z* (они были комбинаторными вариантами одной фонемы)

4. Отсутствовала фонема *f*; возмещалась фонемой *p* или *v* (в Фрунзе — *Purunza*)

5. Отсутствовала фонема *x*; возмещалась фонемой *q* (колхоз — *qalqos*)

6. Отсутств. фонема *ε*; возмещалась фонемой *ç* (Париж — *Pariç*)

7. Отсутствовала фонема *j* в начале самостоятельн. слов; возмещалась фонемой *ç* (Ялта — *Çalta*, Ява — *Çava*)

8. До последних лет (уже после революции) *k* или *g* в сочетании с твердыми гласными воспринимались в новых словах как *q* или *q̄* (клуб — *qulur*, комсомол — *qamsatul* и т. п.)

9. До последних лет (после Октябрьской революции) не встречались в конце слова звонкие согласные — *v*, *d*, *ç*, *q̄*, *g* (клуб — *qulur*, Ленинград — *Leningrat*)

10. Плавные *r*, *l* и звонк. *g*, *q̄* не встречались в начале слова; *r* и *l* получали приставку (напр. *orus* — русский, газета — *kezit*, и т. п.)

11. Были неупотребительными сочетания нескольких согласных в одной основе.

После Октябрьской революции
(на 1938 г.)

3. Имеется различие *s* и *z*

4. Появилась фонема *f* в новых словах (Фрунзе — *Frunze*)

5. Появилась фонема *x* в новых словах (*kolhoz*)

6. Появилось различие *ε* и *ç* (Париж — *Pariž*)

7. Появилась фонема *j* в начале самостоятельных слов (*Jalta*, *Java*)

8. В последние годы (тридцатые) освоено сочетание *k* и *g* с твердыми гласными (*klub*, *Xorog*, *komsomol*)

9. Встречаются в произношении звонкие согласные в конце новых слов (*klub*, *Leningrad*)

10. Возросло количество слов с начальными *r*, *l* или *g* (*revoljutsija*, *lager*, *gazeta*)

11. Теперь язык, в общем, допускает любой тип сочетаний согласных (*stantsija*, *Omsk* и т. п.)

Примечание. Поскольку *ç* и *j* оказываются одинаковыми по месту образования и поскольку в ряде языков (напр., в средне-хорезмских говорах узбекского языка или в отдельных случаях во французском и английском языках) обнаруживаются смены *ç* — оконья и *j* — оканья, можно предполагать, что на одном из отдаленных этапов развития киргизского языка *ç* и *j* были лишь комбинаторными разновидностями одной фонемы (подобно тому, как и сейчас, оказываясь в начале слова, предшествуемого конечным гласным предыдущего слова, *ç* произносится как *j*: в м. „*nece çaştа* — слышим“ „*nece jaştа* — сколько лет“, и т. п.).

II. Отмечаются следующие соответствия в общих корнесловах различных языков турецкой системы:

1. Киргизскому *ç* в начале слова соответствует *j* — в узбекском, туркменском, уйгурском; *z* (в произношении, а в письме *ç*) — в казахском и каракалпакском; *s* — в якутском:

кирг. *çyl* — год = узб., туркм., уйг. *jyl* = каз. *zyl* = якутск. *syl*.

2. Киргизскому *j* в середине и конце слова соответствует *t* в якутском:

кирг. *ajaq* — нога = якут. *ataq*.

3. Киргизскому *q*, *q* соответствует чувашский *x*, а киргизскому *z* соответствует чувашский и монгольский *r*:

кирг. *toquz* — девять = чув. *toxar*,

кирг. *oğuz* — всл = монг. *ykur*.

4. Киргизскому *ş* соответствует в чувашском *l*:

кирг. *qş* — зима = чув. *xəl*.

5. Киргизскому и узбекскому *ş* соответствует в казахском, каракалпакском и якутском *s*:

кирг., узб. *taş* — камень = каз. и каракалп. *tas*,

кирг. *veş* — пять = якутск. *vies*.

6. Киргизскому, узбекскому, уйгурскому *s* соответствуют якутск. *s*, казахск. и каракалпакск. *ş* (пишется *c*). Строго говоря, в произношении *s* и *ş* в казахском и каракалпакском совпали:

кирг. *ys* — три = якутск. *ys* = каз. — *yş* (пишут *yc*).

7. Киргизскому, узб., казахск., каракалпакскому начальному *t* и *k* в туркменском в ряде слов соответствуют *d* и *g*:

кирг. *tört* — четыре = туркм. *dörd*,

кирг. *kyn* — день = туркм. *gyn*¹,

¹ Однако же встречаются и в киргизском языке такие дублиеты: *bir talaj* || *bir dalaј* — (порядочно), *talaa* || *dalaa* — (поле), *tajar* || *dajar* — (готовый), которые, вероятно, представляют из себя пережитки диалектных разновидностей.

8. Казахский, каракалпакский, узбекский *h* превращается в нуль в киргизском:

каракалп. *hajal* — жена = кирг. *ajal*,

узб. *šəhər* — город = кирг. *šaar*.

9. Узбекскому *x* в дореволюционном пласте слов соответствует киргизск. *q*:

узб. *jaxšb* — хороший = кирг. *çaqšb*.

10. Узбекскому сочетанию *aq* в конце слога соответствуют кирг. *oo*, казахск. *av*:

узб. *taq* — гора = кирг. *too* = каз. *tav*.

Конечный *q* (после узких) узб. и уйгурск. отпадает в киргизском:

узб. *sarʔoq* — желтый = кирг. *sarʔb*.

11. Киргизскому *ʃ* между гласными в ойротском и шорском соответствует *z*:

кирг. *kīʃi* — человек = шорск. *kizi*.

12. Киргизскому *s* между гласными соответствует *h* в башкирском и якутском:

кирг. *atasʔ* — его отец = башкирск. *atahʔ*,

кирг. *qʔz* || *qʔs* — девушка = якут. *qʔs*,

кирг. *qʔzʔ* — его девушка = якутск. *qʔha*.

III. Графическая передача русских согласных.

Передача русских букв по-киргизски может быть представлена в следующем виде:

Русские буквы	<i>б в г д ж з й к л м н</i>
Их эквиваленты	<i>v v g d z z j k l m n</i>
Русские буквы	<i>п р с т ф х ц ч ш щ</i>
Их эквиваленты	<i>p r s t f x ts c ʃ ʃc</i>

ь — как знак смягчения, не передается:

Гоголь — *Gogol*.

Аффрикаты *щ* и *ц*, в общем, уже вполне ясно обнаруживаются

в произношении актива. Процесс освоения произношения *щ* и *ц* шел таким путем:

а) Первично *щ* воспринималось в начале слова как *ч* (*с*), а в середине и конце слова — как *ш* (*ʃ*):

щетка — *cotke*, товарищ — *tovarʃ*,
ямщик — *jamʃyk*.

Впоследствии в обоих случаях *щ* стало уже восприниматься как сочетание *ʃс* (*ш* и *ч*).

б) *Ц* воспринималось в одних случаях в начале слова как *ч* (*с*):

церковь — *cirkœv*,

в других случаях *ц* воспринималось как *с*:

акция — *aksija*.

Впоследствии *ц* воспринимается как раздельное сочетание *ts*, а теперь оно уже переключается в произношении в аффрикату.

§ 15. Комбинаторные изменения согласных.

В числе комбинаторных изменений согласных могут быть отмечены следующие:

1. Наличие согласного одной из двух вариаций: по признаку твердости ~ мягкости, в зависимости от соседства с гласными.

2. Озвончение глухого согласного, оказывающегося между гласными.

3. Диссимиляция (разуподобление).

4. Прогрессивная ассимиляция (последующий согласный уподобляется предыдущему).

5. Регрессивная ассимиляция (предыдущий согласный уподобляется последующему).

Остановимся на каждом из этих случаев отдельно.

1. Качество согласного в зависимости от соседства с гласными.

Согласные в киргизском языке, как и гласные, изменяют оттенок произношения, в зависимости от того, с твердым или мягким гласным они соседствуют в слого. В сочетаниях „*al*— бери“ и „*el*— народ“ или „*at*— конь“ и „*et*— мясо“ *l* и *t* произносятся различно: сочетаясь с *a*, они произносятся как русское *л* или *т*; сочетаясь с мягким *e*, произносятся приблизительно как русское *ль* или *ть*. Точно так же и другие согласные. Для обозначения твердости или мягкости согласных в киргизском языке не пользуются особыми буквами: буква может читаться твердо или мягко, в зависимости от наличия рядом с ней твердого или мягкого гласного.

Графическое исключение составляют только буквы *k, g, q, q'*, из коих *k, g* употребляются для передачи мягких вариантов, а *q, q'* — твердых фонем:

ataqqa — отцу,
enege — матери,

atqa — коню,
etke — мясу.

До последнего времени *k* и *g* употреблялись в сочетании с мягкими гласными (*kel* — озеро, *egyz* — вол, и т. п.); теперь, однако, наблюдается другое явление: *k* и *g* в ряде терминов, не говоря уже о собственных именах, употребляются в графике в сочетании с твердыми гласными; например:

kolxoz — колхоз,
kassa — касса, и т. п.

Качественные изменения других согласных по признаку твердости~мягкости должны в киргизском языке рассматриваться лишь как разновидности одной фонемы, зависящие от гласных (*k, g* составляют в этом отношении исключение).

В русском же языке эти твердые и мягкие разновидности являются самостоятельными фонемами. Достаточно для этого сравнить такие пары слов, как:

угол и уголь,
пыл и пыль,
жар и жарь, и т. п.

Здесь качество согласного не зависит от соседнего гласного, и в данных примерах мы имеем такие самостоятельные фонемы: л и ль, р и рь и т. п.

Поскольку в киргизском языке такие сочетания твердого гласного с мягким согласным не употребительны, то и для лиц, впервые приступающих к изучению русского языка, сначала очень трудно произносить подобные сочетания. Отсюда произношение, например слова „кольцо“ выражается в виде „колцо“, и т. п., так как перед л стоит твердый о.

2. Озвончение согласных.

В части озвончения согласных следует выделить два случая:

- а) озвончение согласных в основах (при наложении аффиксов) и
- б) озвончение согласных в соседних словах.

а) Озвончение в основах, при наложении аффиксов.

Если основа, оканчивающаяся на гласный плюс *р, k* или *q*, со-

четається с аффиксом, начинающимся на гласный, то согласные *p*, *k*, *q* озвончаются:

p переходит в *v*:

kiter + *i* = *kitesi* — его книга,

k переходит в *g*:

etyk + *y* = *etygy* — его сапог,

q переходит в *q*:

valьq + *ь* = *valьqь* — его рыба.

Но после согласного не изменяется:

parq + *ь* = *parqь* — его цена,

alp + *ь* = *alpь* — его великан.

Примечание: Конечный *p* глагольных основ, предшествуемый гласным *a*, *e*, при образовании деепричастий на *-ьp*, утрачивается, а гласный удлинняется:

cap + *ьp* = *саар* — скача,

tap + *ьp* = *таар* — найдя.

В отдельных случаях в лексике дооктябрьского пласта слов мы обнаруживаем уклонение от правила об озвончении *q*, например, в слове „*toqui* — ткать“ и т. п. Кроме того, в живой речи обнаруживается тенденция к сохранению конечного глухого согласного в новых словах; так, при изменении слова „*tip* — тип“ сохраняется *p*: *tip* + *i* = *tipi* — его тип, и т. п.

Экскурс о ступенях озвончения согласных.

В приведенных примерах изменения *p* — *v*, *k* — *g*, *q* — *q* обнаруживается та же тенденция, что и в отдельных диалектах при озвончении *s* между гласными:

ata + *сь* = *ataзь* — его отец.

Очевидно, эти пары (а в некоторых случаях и тройки) были лишь комбинаторными вариантами одного звукопредставления.

Вскрываются такие ступени озвончения согласных:

1. *P* — *v* — *v* (три ступени, как и в языках яфетической стадии. См. работу И. Мещанинова — „Проблема классификации языков в свете нового учения о языке“, 1934 г.). Ср. произношение:

1) *kiter* — *kitesi*; *varavьz* — *varavьs*, и т. п.;

2) *s* — *z* (*atasь* — *ataзь*);

3) *k* — *g* (*etyk* — *etygy*);

4) *q* — *q* (*arьq* — *arьqь*);

5) *j* — *ç* (*nese çaştа* — *nese jaştа*).

Ступени озвончения согласных представляют из себя яв-

ление стадияльного порядка. В этом отношении могут быть выделены следующие группы по ступеням озвончения:

1. Остатки трех ступеней озвончения: в киргизском $p - v - v$, в турецком $k - g - j$.

2. Две ступени озвончения: $k - g, q - q, p - v$ (частично $s - z$) в именных основах. Напр.,

$qap = qavь$ — его мешок,
 $сыq = сыоььз$ — выход, восход.

Это явление обнаруживается в киргизском, казахском, каракалпакском и частично в туркменском языках (в туркменском еще имеется озвончение $c - c, t - d$).

3. Две ступени озвончения только в именных (а не глагольных!) основах, например, в совр. уйгурском языке:

$qap = qavi \parallel qavi$,
но $ciq = ciqiş$ (а не $ciqiş!$).

4. Утрата озвончения в односложных именных основах, например, в узбекском (литературном) и чагатайских говорах:

$tak = taki$ — его виноградник,
 $kop = kopі$ — большинство их;

но (во многосложном):

$kyrak = kuragi$ — его лопата.

Сюда же относятся случаи из туркменского языка, когда в односложной основе имеется краткий гласный:

$kək - kəkі$ (не $kəgi$),
 $at - atьm$ (не $adьm$).

Примечание. По вопросу о распределении языков по группам, исходя из ступеней озвончения, см. работу акад. В. Радлова — „Phonetik der nördlichen Türksprachen“ § 334.

б) Озвончение согласных в соседних словах.

Изменения согласных звуков при сочетании слов относятся, в свою очередь, к частным случаям явления прогрессивной и регрессивной ассимиляции.

1. Явления прогрессивной ассимиляции сводятся к следующему: озвончение начального согласного k, q или v (с переходом $k - g, q - q, v - v$), если предыдущее слово оканчивается на гласный или на $l, m, n, ŋ, r, z$:

maqa kel произн. — *maa gel* (приходи ко мне),
maqa ver произн. — *maa ver* (дай мне),
maqa qajt произн. — *maa qajt* (вернись ко мне),
Asan qajt произн. — *Asan qajtt* (Асан вернулся), и т. п.

2. Явления регрессивной ассимиляции в этом случае таковы: конечный согласный *p, k, q*, предшествуемый гласным и оканчивающийся перед начальным гласным или *l, m, n, ŋ, r, z* последующего слова, озвончается:

taap alđ произн. — *taavald* (нашел),
ɕyk artt произн. — *ɕug artt* (навьючил вьюк),
taq ojt произн. — *tao ajtt* (четко сказал),
aq nap произн. — *ao nap* (белый хлеб),
uzaq mezgl произн. — *uzao mezgl* (долгий период),
kuzdyk zьqьr произн. — *kuzdyg zьqьr* (осенний лен), и т. п.

3. Диссимиляция (разуподобление).

Явление диссимиляции можно иллюстрировать на примерах изменения аффиксальных *l* и *n*.

Аффиксальные *l* и *n* после звонких, за исключением *j* и *r*, согласных переходят в *d*. Для примера возьмем сочетания аффиксов — *lar* (множ. числа) и — *нь* (винит. падежа):

ajl + lar = *ajldar* — аулы,
kliv + lar = *klivdar* — клубы,
ajl + нь = *ajldь* — аул (в винит. пад.),
kliv + нь = *klivdu* — клуб (в винит. пад.).

Что же касается сочетаний аффиксальных *l* и *n* с конечными *j* или *r*, то в этом случае действуют следующие законы:

1) После конечных *r* или *j* аффиксальн. *n* переходит в *d*:

ɕaar + нь = *ɕaardь* — город (винит. падеж),
soj + нь = *sajdь* — ручей (вин. падеж), и т. п.

2) После конечного *j* аффиксальный *l* остается без изменений:

saj + lar = *sajlar* — ручьи,
vaj + ньq = *vajльq* — байство.

3) После конечного *r* аффиксальный *l* в аффиксе множ. ч. — *lar* остается без изменений:

ɕaar + lar = *ɕaarlal* — города.

В остальных аффиксах переходит в *d*:

ɕaar + ньq = *ɕaardьq* — городской, горожанин,
dajar + la = *dajarda* — готовь, и т. п.

Исторически в основе переходов *l* в *d* или *n* в *a* лежит, конечно, закон диссимиляции согласных, ибо *ajbl + lar* дает *ajbldar* (аффиксальный *l* диссимилируется, оказываясь рядом с *l* основы; точно так же и в слове „*moldo*) (молдо — грамотный“, происходящем из *mulla*; так же и в „*kyñ + ny = kyndy*—день“ (в винит. пад.), где *n* диссимилируется. До введения действующих сейчас правил орфографии, т. е. до 1938 г., официально, а фактически — несколько раньше, в киргизской орфографии действовал иной закон: *l* и *n* изменялись соответствующим образом после сонорных — *l, m, n, ŋ, r, z*, и частично — *j, ɣ*. Что же касается прочих звонких (*b, d, ʒ, g, ɟ, v*), то они в конце слова вообще не употреблялись и заменялись соответствующими глухими; таким образом, современное „*klusvdar*—клубы“ выражалось тогда в виде *kluptar*, а еще раньше — *quluptar*.

Узаконение же звонких в конце слова значительно обогащает киргизский язык и должно рассматриваться как положительное явление.

В методическом отношении, между прочим, это новшество так же оказывается положительным, ибо упрощает классификацию согласных (вместо прежнего деления на сонорные, шумные-глухие и шумные-звонкие, теперь достаточно в школе преподавать деление на глухие и звонкие).

Примечание. Фонема *l*, между прочим, отличается большой неустойчивостью в турецких языках.

1. В киргизском языке имеется чередование *l | d || t*.

2. В некот. диалектах казахского языка *l*, сочетаясь с конечным носовым переходит в *n*: „*adam + lar = adamnar*—люди“.

3. В киргизском языке наблюдается подмена *l* и *n*.

Ср., например, два варианта имени *Qығыл* и *Qығылп* (в „Манасе“). В отдельных случаях в основах *l* просто выпадает: Ср. „*oitur* и *otur*—садь“ и т. п.

4. Прогрессивная ассимиляция согласных.

а) В аффиксах.

1. К числу явлений прогрессивной ассимиляции согласных в аффиксах относится второй вариант изменений *l* и *n*, заключающийся в переходе их после глухих согласных в *t*:

taş + lar = taştar — камни,

taş + nь = taştь — камень (вин. пад.).

Это явление (*l, n*)→*t* связано с явлением диссимиляции *l* и *n* после звонких они, диссимилируясь, переходят в *d*, а *d*, в свою

очередь, уже после глухих, ассимилируясь с ними по признаку глухости, переходит в *t*.

2. Аффиксальные *d*, *q*, *g*, *v*, — как и *l* или *n*, — сочетаясь с конечным глухим согласным основы, заглушаются:

d переходит в *t*,

q переходит в *q* или *k*,

g переходит в *k* или *q*,

v переходит в *p*,

l и *n* переходят в *t*.

Примеры: *taş + da = taşta* — на камне,

taş + qa = taşqa — на камень, к камню,

taş + vь = taşpь? — камень ли? и т. п.

taş + lar = taştar — камни,

taş + нь = taştь — камень (вин. пад.).

Примечание. Аффиксальный *q* предстает в четырех видах.

а) после твердых гласных или звонких согласных, предшествуемых твердым гласным, имеем *q*:

atlaqa — отцу, *ajbьlqa* — в аул, аулу;

б) после твердых глухих согласных — имеем *q*:

atqa — коню;

в) после мягких гласных или звонких согласных, предшествуемых мягкими гласными, имеем *g*:

enige — матери, *kynge* — дню, ко дню, и т. п.;

г) после глухих согласных, предшествуемых мягкими гласными, имеем *k*:

itke — собаке.

Таким образом корреляция *q* идет по двум признакам: твердости~мягкости (переход в *q*) и звонкости~глухости (переход в *q*, *k*), взаимно проникающим друг друга. В графике корреляция по признаку твердости~мягкости выражается, однако, не по качеству конечного согласного, а по гласному последнего слога основы; вместо ожидаемого „*polkko* — полку, в полк“, имеем „*polkqo*“, т. е. сочетание рядом *k* и *q*.

б) В соседних словах.

Начальный *v*, если ему предшествует слово, оканчивающееся на глухой согласный, заглушается: *qar var* произн. — *qar rar* (есть мешок), и т. п.

5. Регрессивная ассимиляция.

а) В основах, сочетающихся с аффиксами.

1. Явления регрессивной ассимиляции согласных основ, сочетающихся с аффиксами, обнаруживаются в произношении в следующих случаях:

а) Конечный *z*, сочетаясь с глухим согласным аффикса, заглушается в *s*:

qъz + *ca* произн. *qъsca* — по-девичьи = (частичная или неполная ассимиляция).

б) Конечный *s*, сочетаясь с аффиксальными *ʃ*, *s*, *t*, *c*, переходит в *ʃ*:

qactъ произн. — *qaʃtъ* (убежал),

cacsъz произн. — *caʃsъz* (безволосый), и т. п.

в) Конечный *ʃ* перед *s* переходит в *s* (полная ассимиляция):

tyʃsyn произн. — *tyssyn* (пусть слезет).

г) Конечный *n* перед *m* или *v* переходит в *m*:

qanъv? произн. — *qamъv?* (кровь ли?),

temъn произн. — *temъm* (я емь я) (полная ассимиляция).

д) Конечный *n* перед *oʃ* или *g* переходит в *ŋ*:

raʃonqo произн. — *raʃonŋo* (в район), и т. п.

е) *B* в основах может под влиянием последующих носовых переходить в *m*:

vi + *ньn* = *тинип* — этого;

virun || *mirun* — раньше;

ʃar — закрой, но — *ʃамъпиш* — укрываться;

ter — ударь (ногой), но *temъnyu* — ударяться.

б) В соседних словах.

Явления регрессивной ассимиляции в соседних словах сводятся к следующему:

а) Конечный *z* перед глухим переходит в *s*:

qъz *tartъ* произн. — *qъstartъ* (девушка нашла).

б) Конечный *s* перед *ʃ*, *s*, *t*, *c* переходит в *ʃ*:

yc ʃart произн. — *yʃ ʃart* (три условия).

в) Конечный *n* перед *m* или *v* переходит в *m*:

tem тајъртъn произн. — *tem тајъртъm* (я — калека).

г) Конечный *n* перед *k*, *g*, *q*, *oʃ* переходит в *ŋ*:

vugyn keldi произн. — *vugyn geldi* (пришел сегодня).

В письме эти явления не отражаются.

ЮДАХИМ

Константин Кузьмич